

От автора бестселлера «Один день в декабре»,
переведенного более чем на 25 языков!

Две жизни Лидии Бёрд

ДЖОЗИ СИЛВЕР

Еще одна потрясающая
история любви.

The Skimm

Джози Силвер Две жизни Лидии Бёрд

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57397489

Дж. Силвер. Две жизни Лидии Бёрд: ООО «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус»; Москва; 2020

ISBN 978-5-389-18628-6

Аннотация

Лидия и Фредди. Фредди и Лидия. Они были вместе более десяти лет, и Лидия думала, что их любовь нерушима, что счастье будет длиться вечно, но неожиданно Фредди погибает в автомобильной аварии. И единственное желание Лидии – это спрятаться ото всех, чтобы оплакать свое горе. Но тут происходит нечто необъяснимое: у Лидии появляется возможность вернуться в старую жизнь – туда, где все было хорошо. Снова и снова она одновременно проживает две жизни: во сне, где ее любимый жив и они счастливы, и наяву, где есть те, кто ее любит и хочет ей помочь, хочет, чтобы она вернулась в мир, открытый для жизни, а возможно, и для новой любви... *Впервые на русском языке!*

Содержание

Пролог	5
2018 год	8
Наяву	8
Во сне	19
Наяву	20
Во сне	21
Наяву	32
Наяву	34
Во сне	66
Наяву	75
Во сне	77
Наяву	80
Во сне	88
Наяву	94
Наяву	97
Наяву	101
Наяву	112
Во сне	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Джози Силвер

Две жизни Лидии Бёрд

Josie Silver

The Two Lives of Lydia Bird

© 2020 by Josie Silver

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Пролог

Большинство поворотных моментов случаются в жизни неожиданно. Иногда они проскальзывают и вовсе незамеченными, только позже вы поймете, что произошло нечто важное, если вообще поймете. Например, вы в последний раз несли своего маленького ребенка на бедре. Вы случайно обменялись взглядами с незнакомцем, и вот он уже ваш лучший друг на всю жизнь. Летом по внезапному порыву вы взялись за какую-то работу, а потом занимались ею последние двадцать лет. Так и я вовремя не поняла, что моя жизнь совершила крутой поворот, когда 14 марта 2018 года в 18:47 зазвонил мой мобильный телефон. Помню, как выругалась себе под нос, потому что в волосах застряла одна из бигуди на липучках, а я уже опаздывала.

– Алло?

Я не могла сдержаться и улыбнулась, включив громкую связь, а Фредди почти кричал, потому что где-то за его спиной грохотали автомобили.

– Говори! – зажав в зубах заколку для волос, как можно громче произнесла я.

– Лидс, слушай, у Джоны что-то с машиной. Я собираюсь развернуться и заехать за ним. Ничего страшного, это максимум минут на десять.

Я порадовалась, что он не рядом и не видит моих вытара-

ценных глаз. Не принцесса ли Диана говорила, будто бы в ее браке всегда было трое? Я понимаю ее, поскольку в моей жизни творилось то же самое. Конечно, мы еще не были женаты, но дело шло к тому. Мы с Фредди Хантером обручились, и официально я была *почти* самой счастливой девушкой в мире. А почти самая счастливая именно потому, что нас всегда было трое. Я, Фредди и чертов Джона Джонс.

Конечно, и у меня день не проходил без обязательного сеанса болтовни с моей сестрой, но Элли ведь не валялась постоянно на нашем диване, попивая чай и привлекая мое внимание. Правда, нельзя сказать, чтобы лучший друг Фредди был таким уж требовательным. Он по большей части проводил время в расслабленном горизонтальном положении и даже вполне мне нравился. Только вот я предпочла бы видеть его несколько реже, понимаете? Например, сегодня вечером. Фредди пригласил Джону на обед, даже не подумав спросить сначала меня, хотя это и *мой* день рождения.

Я выплюнула заколку, прекратила борьбу с липучкой и вместо того рассерженно схватила телефон:

– О боже, Фредди, разве ты обязан?! Стол в ресторане «У Альфредо» заказан на восемь, и тебе прекрасно известно, что он не будет держать место, если мы опоздаем!

Я уже знала это по собственному горькому опыту: рождественский обед с сослуживцами обернулся катастрофой, когда наш микроавтобус прибыл к ресторану на десять минут позже нужного времени и в итоге мы все отправились в

«Макдоналдс». А сегодня обед в честь моего дня рождения, и я была более чем уверена, что мою маму не обрадуют биг-бургеры вместо феттучини с цыпленком.

– Остынь, Золушка, на бал ты не опоздаешь! Обещаю!

В этом весь Фредди. Он не воспринимал жизнь всерьез даже в тех редких случаях, когда это стоило бы делать. В его мире время было эластичным. Фредди мог его растягивать в соответствии с собственными нуждами. Или, как в данном случае, в соответствии с нуждами Джоны.

– Ладно, – вздохнула я, сдаваясь. – Только о времени не забывай, очень тебя прошу.

– Понял, – ответил он, уже включая радио в машине. – Ни за что!

В спальне стало тихо, а я задумалась: заметит ли кто-нибудь, если просто отрезать клочок волос, намертво запутавшийся в бигуди.

Тогда он и случился. Поворотный момент моей жизни, незаметно проскользнувший мимо меня 14 марта 2018 года в 18:47.

2018 год

Наяву

Четверг, 10 мая

Фредди Хантер, известный также как великая любовь моей жизни, умер пятьдесят шесть дней назад.

Вот только я проклинала его за то, что он опаздывает и губит тем самым обед в честь моего дня рождения, а в следующее мгновение уже пыталась понять, почему в моей гостиной появились две женщины-полицейские и одна из них что-то бормочет, держа меня за руку. Я смотрела на ее обручальное кольцо, потом на свое собственное.

– Фредди не может умереть, – повторяла я. – Мы женимся в следующем году.

Наверное, это сработала самозащита, поскольку мне трудно точно вспомнить, что происходило потом. Вроде ехала в полицейской машине с синими огнями в отделение скорой помощи. Сестра поддерживала меня, когда уже в больнице у меня подгибались ноги. Помню, что повернулась спиной к Джоне Джонсу, едва он появился в комнате ожидания, и на нем не было ни царапины, лишь рука висела на повязке и глаз скрыт под бинтами. Разве это справедливо? В машину сели двое, а вышел из нее только один. Помню еще, что на

мне было тогда – новая зеленая блузка, купленная специально для обеда. Потом я отдала ее в благотворительный магазин – не могла больше ее видеть.

С того ужасного дня я бесчисленное множество раз напрягала мозг, стараясь припомнить каждое слово из последнего разговора с Фредди, но только и всплывало, как ворчала на него, боясь опоздать в ресторан. Позже пришли и другие мысли. Может, он так спешил, чтобы порадовать меня? Это я виновата в аварии? Боже, как бы мне хотелось сказать ему, что я люблю его! Если бы знала, что говорю с ним в последний раз в жизни, я бы это сказала, конечно же сказала! А еще хотелось, чтобы он просто прожил достаточно долго и мы бы поболтали еще раз... но тут же думала, что вряд ли мое сердце смогло бы это выдержать. Наверное, это только к лучшему, что, когда вы в последний раз делаете что-то, такой момент пролетает, не заявив о себе. Тот последний раз, когда мама забирала меня из школы и ее рука ласково сжимала мою маленькую руку... Тот последний раз, когда отец вспомнил о моем дне рождения... И тот последний раз, когда я болтала с Фредди Хантером, а он спешил встретиться со мной в двадцать восьмой день моего рождения. И какими были его последние слова? «Ни за что». Эта его дурацкая манера бросать ничего не значащие фразы... а теперь они вдруг обрели для меня глубокий смысл.

Впрочем, это было именно в духе Фредди – что-то обещать на лету. Он обладал огромной жадой жизни, каким-то

удивительно легким к ней отношением, вперемешку с убийственной страстью к соревнованию. Смертельно весело, если хотите. И я не встречала людей с таким даром: точно знать, что и когда нужно говорить. Он обладает — *обладал* — умением заставить собеседника думать, что он победил, хотя на самом деле именно Фредди получал то, что хотел. Он из тех... он *был* из тех, кого запоминают надолго, чье имя не забывают, когда уже и сам человек исчез.

А он, черт побери, *действительно* исчез! Его машина смялась в гармошку, врезавшись в дуб. Мне теперь все время казалось, что на моем горле кто-то туго завязал веревку, не дающую дышать. Я не могла как следует наполнить легкие воздухом, задыхалась и постоянно находилась на грани паники.

Врач наконец-то выписал мне какое-то снотворное — после того, как мама вчера накричала на него в гостиной. Запас на целый месяц. Какое-то новое лекарство, хотя он не был уверен, что следует его прописывать. По его мнению, горе нужно пережить естественным образом. Я не готова была примириться с этой чушью; те же самые слова врач уже говорил пару недель назад: тогда он отказался дать рецепт и отправился домой к своим очень даже живым женушке и детишкам.

То, что я жила по соседству с матерью, оказывалось в разные моменты то благом, то проклятием. Когда она, например, готовила свое знаменитое куриное рагу и приносила

его нам – горячее, только что из духовки, – или когда заглядывала по дороге на работу, чтобы холодным ноябрьским утром обрызгать ветровое стекло моей машины антиобледенителем, – ну, в такие моменты это было благом. Но в других случаях... Она могла внезапно появиться в моей спальне, словно мне все еще семнадцать лет. Причем именно в тот момент, когда я мучилась похмельем и высматривала, что бы такое проглотить... Или когда я пару дней не прибиралась в доме и она морщила нос, как будто смотрит на одну из собирательниц мусора из реалити-шоу. Тогда наша жизнь поблизости превращалась в проклятие.

Именно проклятием оказалось расположение нашего жилья, когда я пыталась погоревать в одиночестве, не раздвигая занавесок в гостиной даже в три часа дня. Я бродила в пижаме, которую она видела на мне, проводывая вчера и позавчера. Она готовила чай, который я забывала выпить, и делала сэндвичи, которые я запихивала поглубже в холодильник, пока мама убирала ванную комнату или выносила мусор.

Конечно, я все понимаю. Она яростно защищала меня, особенно в такой момент; напугала врача до смерти, когда тот не желал выписывать снотворное. И я совсем не уверена в пользе этих таблеток, если уж на то пошло. Хотя, видит Бог, мысль о том, чтобы забыться, казалась привлекательной. Не знаю, зачем я приплела здесь Бога; Фредди ведь категорический атеист... То есть всегда был атеистом, а я в лучшем случае не уверена ни в чем. Потому не думаю, что Бог имел

какое-то отношение к моей госпитализации в связи с недавно понесенной утратой. Доктор рекомендовал дополнительное лечение, наверное, из-за того, что моя матушка требовала сильных средств вроде валиума и тех новых пилюль, которые расхваливают как более мягкое, более сбалансированное средство. Если честно, мне плевать, что это такое! Я официально считаю себя самой грустной, самой усталой подопытной морской свинкой.

У нас с Фредди потрясающая кровать. Клянусь, это самый настоящий фантастический остров эпических размеров! Отель «Савой» в свое время распродал за гроши кровати, чтобы освободить место для новых. Сначала люди недоуменно скидывали брови: вы покупаете *чью-то старую* кровать? И мама говорила: какого черта вы это делаете? Как будто мы решили купить раскладушку в местном приюте для бездомных. Все эти сомневающиеся явно никогда не останавливались в «Савое». По правде говоря, и я тоже, но зато видела по телевизору их ложа ручной работы и знала, что просто должна заполучить такое. Это была самая удобная кровать на сотни миль в округе, и мы с Фредди бесчисленное множество раз поглощали там завтраки по воскресеньям, смеялись и занимались любовью.

Когда через несколько дней после трагического события мама сообщила, что поменяла там простыни, то невольно вызвала у меня внезапную безумную истерику. Я словно наблюдала за собой со стороны, когда царапала дверцу сти-

ральной машины, рыдая при виде того, как простыни крутятся в барабане, теряя последние слабые следы запаха Фредди.

Мама была вне себя; она пыталась поднять меня с пола, позвала на помощь мою сестру. Кончилось тем, что все мы сидели на голом полу кухни, наблюдая за простынями, и рыдали, ведь это чудовищно несправедливо, что Фредди уже никогда не будет спать на них.

Я не ложилась в кровать после смерти Фредди. Вообще-то, мне кажется, я и вовсе не спала толком с тех пор. Просто дремала иногда; то моя голова падала на стол рядом с нетронутым завтраком, то я сворачивалась на диване под зимним пальто жениха, вот как сейчас, то просто замирала сидя, прислонившись к холодильнику.

– Ну же, Лидс! – тербит меня сестра, мягко сжимая мое плечо. – Идем наверх!

Я смотрю на часы, ничего не соображая, потому что, когда я закрыла глаза, стоял ясный день, но теперь стемнело и кто-то, видимо Элли, включил свет. Для нее такая забота совершенно естественна. Я всегда думала о ней как об улучшенном варианте самой себя. Мы с ней одного роста и одинакового сложения, но она темнее меня – у нее темные волосы и глаза. А еще добрее меня; нередко даже слишком добра во вред себе. Элли проводила со мной большую часть дня. Этим утром заглянула еще и мамина сестра, тетя Джун. Полагаю, мама организовала смены, чтобы знать: я не остаюсь одна больше чем на час-другой. И скорее всего, на ее холо-

дильнике висит расписание, где-то рядом со списком покупок на всю неделю и дневником питания, который она ведет для занятий по похудению. Моя мама очень любит разные списки.

– Наверх куда? – Я немного выпрямляюсь и замечаю стакан с водой и пузырек с пилюлями в руках Элли.

– В постель! – отрезает она с легким оттенком металла в голосе.

– Мне и здесь хорошо, – бормочу я, хотя наш диван не слишком приспособлен для сна. – И вообще еще рано. Мы можем посмотреть... – Я вяло машу рукой в сторону телевизора в углу, пытаюсь вспомнить какую-нибудь мыльную оперу, и вздыхаю, раздраженная тем, что мозг не справляется с задачей. – Ну, знаешь, то, где паб, и лысые люди, и шумно...

Сестра округляет глаза и улыбается:

– Ты имеешь в виду «Жителей Ист-Энда»?

– Ну да, именно его. – Я окидываю взглядом комнату в поисках телевизионного пульта.

– Этот сериал уже закончился. И, кроме того, ты не смотрела его по крайней мере лет пять.

– Я смотрю... Там... там еще та женщина с длинными серьгами и... и Барбара Виндзор. – Я вскидываю голову.

Элли закатывает глаза:

– Обе умерли.

Бедняжки, и бедные их семьи...

Элли протягивает мне руку.

– Лидия, пора спать, – говорит она мягко, но твердо, скорее как сиделка, чем как сестра.

Мои глаза обжигает слезами.

– Вряд ли я смогу...

– Сможешь! – решительно заявляет Элли, все так же протягивая мне руку. – И что собираешься делать? Будешь всю оставшуюся жизнь спать на диване?

– А что тут плохого?

Элли садится на краешек дивана рядом со мной и берет меня за руку, положив пилюли на колени.

– Плохого – ничего, но и хорошего тоже. Ведь если бы здесь остался в одиночестве Фредди, а не ты, разве ты не желала бы ему нормально выспаться?

Я киваю. Конечно желала бы.

– Вообще-то, ты являлась бы ему до тех пор, пока бы он этого не сделал, – уточняет сестра, поглаживая мне руку.

И я чуть не задыхаюсь от слез, постоянно душащих меня со дня смерти Фредди.

Элли вытряхивает себе на ладонь ядовито-розовую пилюлю; на этикетке пузырька жирными черными буквами напечатано мое имя. Лидия Бёрд, а дальше непристойное название пилюль. Этим меня намерены привести в норму? Несколько недель крепкого сна и я снова буду в полном порядке?

Элли твердо смотрит мне в глаза, а по моим щекам ползут слезы при мысли о том, насколько я эмоционально и физи-

чески измотана. Или, по крайней мере, надеюсь на это, так как не думаю, что смогу выжить, если есть еще куда падать. Взяв пилюлю дрожащими пальцами, я кладу ее в рот и запи- ваю водой.

На пороге спальни поворачиваюсь к Элли и шепчу:

– Я должна остаться одна.

Элли отводит с моих глаз упавшие волосы.

– Ты уверена? – Ее темные глаза изучают мое лицо. – Я могу посидеть с тобой, пока ты не заснешь, если хочешь.

Я фыркаю, уставившись в пол и не смахивая слез:

– Знаю, что можешь. – Я хватаю ее руку и крепко сжи- маю. – Но мне кажется, я лучше...

Не могу найти нужные слова то ли из-за пилюли, которая уже начала действовать, то ли просто потому, что подходя- щих слов не существует.

– Буду внизу, – кивает Элли, – если вдруг тебе понадо- блюсь, ладно? Я никуда не уйду.

Мои пальцы обхватывают ручку двери. Я держу эту дверь закрытой с того самого дня, как мама поменяла постельное белье. Не хочу даже случайно увидеть свежую постель, когда иду в ванную. Я мысленно очертила здесь запретную зону, как ограждают желтой лентой место преступления.

– Это просто кровать, – шепчу я, распахивая дверь.

Передо мной нет желтой полицейской ленты, а под кроват- ю не прячутся чудовища. Но и Фредди Хантера там тоже нет, и это разбивает сердце.

– Просто кровать, – подтверждает Элли и гладит меня по спине. – Чтобы отдохнуть.

Она лжет. Мы обе знаем, что это нечто большее. Именно эта комната – моя и Фредди спальня – стала одной из многих причин для покупки этого дома. Просторная, днем залитая светом благодаря большим окнам с раздвижными рамами и медового цвета дощатым полом, в ясные ночи она становилась полосатой из-за лунного света и теней от рам.

Кто-то, предположительно Элли, уже включил лампу у кровати, и меня приветствовало озерцо золотистого света, хотя солнце еще не совсем скрылось. И постель уже приготовили – прямо как в отеле... Когда я закрыла за собой дверь, меня окутал аромат свежего белья. И никаких следов аромата моего парфюма, смешавшегося с запахом лосьона после бритья, которым пользовался Фредди. Никаких смятых рубашек, небрежно брошенных в кресло, или ботинок, отлежавших до самого гардероба. Все аккуратно до невозможности, будто я гостя в собственной жизни.

– Это просто кровать, – снова шепотом повторяю я, садясь на самый краешек.

Закрываю глаза, ложусь и съеживаюсь под одеялом на своей половине.

Мы проводили в этой кровати из «Савоя» слишком много времени; белые хлопковые простыни значили куда больше, чем я предполагала. Когда мое тело коснулось их, они оказались теплыми: Элли положила в кровать грелку. Моя ми-

лая сестра изгнала прохладу простыней. Моя постель, *наша* постель, обняла меня, как старый друг, и мне стало стыдно из-за того, что я так долго ею пренебрегала.

Я лежала на своей стороне, мое тело разваливалось, терзаясь болью потери, руки потянулись в поисках Фредди. Потом я сдвинула грелку на его сторону, согрев простыни до того, как передвинулась туда сама, и прижала ее к груди обеими руками. Я зарылась лицом в подушку и завывала, как раненый зверь, и это был звук чужой и неуправляемый.

Через какое-то время я затихла. Сердце стало биться ровнее, руки и ноги налились свинцовой тяжестью. Я согрелась, закуталась в одеяло и впервые за пятьдесят шесть дней не чувствовала себя потерянной без Фредди. Одиночество исчезло, потому как, едва я погрузилась в сон, почти ощутила тяжесть его тела, давящую на матрас, и то, как он прижимается ко мне, и почувствовала его дыхание на своей шее. Фредди Хантер, спаси меня от этой тьмы, от этих неведомых вод! Я прижала его к себе, вдохнула его и заснула мирно и глубоко.

Во сне

Пятница, 11 мая

Вам знакомы эти блаженные мгновения рассвета, моменты летнего утра, когда солнце встает раньше вас, а вы приподнимаетесь – и тут же снова падаете и засыпаете, радуясь возможности подремать еще? Я поворачиваюсь и вижу Фредди, спящего рядом со мной, и облегчение столь велико, что я могу только лежать совершенно неподвижно и стараюсь попасть в ритм его дыхания. Сейчас пятый час утра, слишком рано, чтобы вставать, потому опять закрываю глаза. Не думаю, что когда-либо еще испытывала такой абсолютный покой. Постель согрета нашими телами, золотистый полусвет перед восходом солнца наполняет спальню, слышно приглушенное птичье пение. Пожалуйста, не дайте мне потерять этот сон...

Наяву

Пятница, 11 мая

Еще до того, как открыть глаза во второй раз, я знаю, что его нет. Постель холоднее, солнце в шесть утра светит резче, щебет птиц звучит как скрип железа по стеклу. Фредди был здесь, я знаю, что был. Утыкаюсь лицом в подушку и плотно закрываю глаза, всматриваюсь в темноту за веками, чтобы снова заснуть. Если засну – я смогу найти его.

В глубине живота нарастает булькающая паника; чем упорнее я стараюсь расслабиться, тем сильнее мой мозг оживает, готовясь к предстоящему дню, полному мрачных мыслей и отчаяния, с которыми я просто не знаю, что делать. А потом сердце подпрыгивает, и этот прыжок включает сознание, и я вспоминаю: у меня есть снотворное. Розовые пилюли, предназначенные специально для того, чтобы отключить меня. Тянусь к бутылочке, которую Элли поставила на прикроватную тумбочку, и с облегчением хватаю ее обеими руками, отвинчиваю крышку и глотаю одну пилюлю.

Во сне

Пятница, 11 мая

– Лидс, с добрым утром! – Фредди переворачивается и целует меня в лоб, его рука тяжело ложится на мое плечо, и тут наш будильник сообщает, что уже семь утра. – Останемся в постели? Позвоним, скажем, что заболели...

Нечто похожее он говорит почти каждое утро, и пару минут мы оба делаем вид, что обдумываем идею.

– Приготовишь нам завтрак в постель? – бормочу я, обнимая его теплое тело и прижимаясь лицом к мягким волосам на его груди.

Его тело обладает твердостью, и я люблю это; Фредди высокий и широкоплечий... Коллеги в рекламном агентстве, где он работает, в силу стереотипов иногда недооценивают его деловые способности – он ведь сложен, как игрок в регби. Фредди же только радуется, используя это к своей выгоде. Он обожает соревноваться.

– Да, если тебе хочется позавтракать в полдень.

Прижимаясь ухом к его груди, я и слышу, и ощущаю его смех, а он гладит меня по голове.

– Звучит неплохо. – С закрытыми глазами я глубоко вдыхаю его запах.

Еще несколько минут мы лежим так, позволяя себе немножко изумительной лени, зная, что вскоре придется

встать. Мы медлим, потому что эти моменты важны для нас, они отделяют нас от мира. Эти моменты – фундамент, на котором стоит наша любовь, невидимый плащ на наших плечах, когда мы выходим в свет, чтобы заниматься делами. И Фредди никогда не ответит на кокетливый взгляд потрясенной девицы на четвертой платформе, где он ждет поезда в 7:47. А я никогда не позволю Леону, баристе из кафе, куда иногда захожу на ланч, пересечь линию допустимого флирта, хотя он выглядит потрясающе, словно кинозвезда, и порой пишет на моей кофейной чашке возмутительные словечки.

Я рыдаю. Несколько секунд не понимаю почему, а потом все осознаю и жадно хватаю воздух, как человек, только что вырвавшийся на поверхность после падения в глубокую воду.

Фредди испуган. Резко приподнявшись на локте, он смотрит на меня, на его лице тревога, когда он сжимает мое плечо:

– Лидс, в чем дело?

В его голосе настойчивость, готовность помочь, успокоить, избавить от любой боли.

Горло сводит судорога, в груди горит огонь.

– Ты умер...

Я со всхлипом выдыхаю эти слова, мои глаза всматриваются в любимое лицо в поисках следов катастрофы. Но их нет, никаких намеков на фатальную травму головы, отнявшую у него жизнь. Глаза Фредди необычайно синие, настоль-

ко темные, что их можно было бы принять за карие, пока не присмотришься как следует. Иногда, для важных случаев на работе, он надевает очки в черной оправе – очки с простыми стеклами, но они создают иллюзию слабости, которой у моего жениха нет и в помине. Я сейчас смотрю в эти глаза и провожу ладонью по отросшей светлой щетине на его подбородке.

Из груди Фредди вырывается мягкий смех, в глазах вспыхивает облегчение.

– Ты просто глупышка, – произносит он, прижимая меня к себе. – Ты спишь, только и всего.

Ох, как бы мне хотелось, чтобы это оказалось правдой! Я качаю головой, и Фредди берет мою руку и прижимает к своей груди.

– Чувствуешь? Я в порядке, – настойчиво говорит он. – Чувствуешь? У меня бьется сердце.

Так оно и есть. Моя ладонь прижата достаточно крепко, чтобы ощутить биение сердца, и все равно я знаю, что на самом деле это не так. Не может быть так. Фредди накрывает мою руку своей, он уже не смеется, потому что видит, насколько я расстроена. Конечно, он не понимает. Да и как ему понять? Фредди же не настоящий. Но, боже, это совершенно не воспринимается обычным сном! Я проснулась во сне. Ощущаю тепло его тела. Вдыхаю легкий запах лосьона, исходящий от его кожи. Чувствую вкус собственных слез, когда Фредди наклоняется ко мне и нежно целует. Не могу пе-

рестать плакать; я сдерживаю дыхание, обнимая любимого, как будто он соткан из дыма и улетучится, если вдруг вздохну слишком сильно.

– Просто ночной кошмар, вот и все, – шепчет он, поглаживая меня по спине, позволяя выплакаться, ведь это единственное, что он может сделать.

Если бы только он знал, что это прямая противоположность страшному сну. Это кошмар, обрушившийся на вас, когда вы с нетерпением ждете своего жениха на день рождения, а ваша семья уже собралась около ресторана на Хай-стрит...

– Я тоскую по тебе. Я так по тебе тоскую...

Не могу сдержать дрожь, и Фредди обнимает меня, на этот раз по-настоящему крепко, и говорит, как меня любит, и что он в порядке, и мы оба в порядке...

– Ты опоздаешь на работу, – шепчет он через несколько минут.

Я лежу неподвижно, глаза закрыты, пытаюсь вспомнить ощущение его рук на своем теле, когда просыпаюсь.

– Останься, – молю я. – Останься здесь навсегда.

Его рука ложится на мой затылок, он поворачивает мою голову так, чтобы заглянуть в глаза.

– Я бы и сам хотел. – На его губах скользит нечто вроде улыбки. – Но ты знаешь, что не могу. Утром встреча с кофейными королями.

– Кофейные короли?

Фредди вскидывает брови:

– Кофейная фирма! Помнишь, я тебе рассказывал? Они всегда приходят на встречи в бейсболках и футболках с изображением зеленых светящихся кофейных зерен.

– И как только я могла забыть, – говорю я, хотя все равно не понимаю, о ком речь.

Фредди отодвигается от меня, целует в щеку:

– Останься здесь. – (В его глазах я читаю заботу.) – Ты никогда не берешь выходных. Возьми сегодня, ладно? Принесу тебе чай.

Я не спору. Хотя и не была на работе уже пятьдесят шесть дней.

Моя жизнь тесно сплелась с жизнью Фредди Хантера с того момента, когда он в первый раз поцеловал меня одним летним днем и сразу впечатался в мою ДНК. Это уже давно назревало между нами, накапливая давление, как пар в котле паровоза. Он всегда сидел рядом со мной в школьной столовой и таскал мне мороженое, а в классе мы постоянно подшучивали друг над другом. Фредди стал возвращаться домой той же дорогой, что и мы с Джоной, хотя ему нужно было в другую сторону, и постоянно придумывал для этого какие-то нелепые предлоги: якобы ему нужно что-то купить для мамы или навестить бабушку. Когда же Джона слег на неделю или две с ветрянкой, у меня не осталось шансов. До сих пор тоскливо щекочет в животе, когда я об этом думаю. Фредди подарил мне пластиковое кольцо из желтых цветоч-

ков вроде тех, которые кладут в рождественские хлопушки, а потом поцеловал, когда мы сидели у соседского дома.

– А твоя бабуля не будет беспокоиться? – уточнила я после пяти самых волнующих минут моей жизни.

– Вряд ли. Она живет в Борнмуте, – ответил он, и мы оба расхохотались, потому что до Борнмута было миль сто, не меньше.

Вот так и случилось, что я навсегда стала девушкой Фредди Хантера. На следующий день он положил мне в сумку плитку шоколада – вместе с запиской, что проводит меня домой. Будь это кто другой, я бы восприняла это как давление, однако мое нежное сердце подростка увидело лишь волнующую определенность.

И сейчас я наблюдала за тем, как Фредди целенаправленно шагает в ванную и попутно прихватывает с вешалки чистую белую рубашку.

– Могу ошибаться, но, думаю, это в сумке, – бросает он в трубку, отвечая на служебный звонок.

Он прижимает мобильник подбородком к плечу, доставая из ящика комода свежее белье. Я наблюдаю за его повседневными движениями, улыбаюсь ему в ответ дрожащими губами, когда он смотрит на меня, давая взглядом понять, что ему хочется отвязаться от телефонного собеседника.

Фредди исчезает в ванной, а я сажусь в постели и отбрасываю одеяло, когда слышу шум воды.

– Что со мной происходит? – шепчу я, спуская ноги на

пол, как какой-нибудь пациент в больнице после операции на открытом сердце.

Потому что я чувствую именно это. Словно кто-то вскрыл мне грудь и массировал сердце, заставляя его вновь забиться.

– Это нереально. Я не верю в магию. – До боли прикусываю нижнюю губу и чувствую металлический вкус крови.

Фредди появляется из ванной в облаке пара, застегивая рубашку и заправляя ее в брюки.

– Лучше мне поспешить. – Он снова берет телефон. – Чай заварить? Если потороплюсь, успею на поезд.

Мы выбрали этот дом в городе как раз ради таких случаев: когда опаздывали по утрам, Фредди радовался, что станция – прямо за углом. Его работа в городском центре Бирмингема требовала много времени, так что чем меньше он тратил его на дорогу, тем лучше. Мои собственные ежедневные поездки куда короче: десять минут – и я на автомобильной парковке у офиса.

Я любила наш дом. Он напоминал мне что-то из детских книжек. Считалось, что он самый старый в городе. Дом, наполовину деревянный, наполовину кирпичный, приютился в конце Хай-стрит. Вообще на хаотичной Хай-стрит много похожих строений; наш маленький городок в Шропшире очень древний, и он отчаянно гордится тем, что его история восходит ко дням Вильгельма Завоевателя. О том, что значит вырасти в таком городке, можно долго говорить. Многие семьи жили здесь из поколения в поколение, от колыбели до

могилы. Конечно, подобный образ жизни не для всех: далеко не каждый хочет, чтобы соседи всё знали о нем, но в этом есть также и красота, и уют. Особенно когда кто-то попадает в беду.

Дом привлек нас не только расположением. Мы осматривали его в выходной, ранним весенним утром, и солнце как раз поднялось на идеальную высоту для того, чтобы показать нам медового цвета камень и глубокое окно эркера. Мы оценили террасу, и даже странная планировка дома нас не отпугнула. Здесь не было ни одной прямой стены или двери, что лишь добавляет очарования, доказывала я каждый раз, когда Фредди стучался лбом о низкую притолоку кухонной двери. Мне нравилось думать, что этот дом всеми своими облезшими досками и уютным беспорядком похож на коттедж Кейт из фильма «Отпуск по обмену». Именно этот образ я старательно поддерживала, отыскивая всякую всячину на гаражных распродажах и блошиных рынках. Периодически Фредди пытался обуздать меня, поскольку предпочитал вещи более современные. Однако эту битву он всегда проигрывал: мой сорочий глаз обожал симпатичные вещицы и выхватывал их в любой мешанине.

Пару дней назад, когда я заставила себя одеться и дойти до винного магазина, чтобы пополнить запасы алкоголя, я вдруг поняла, что не хочу возвращаться домой. Я впервые почувствовала такое с того самого утра, когда мы получили ключи. От моего сердца откололся еще один кусочек при осознании

того, что это здание больше не мой дом. Я никогда бы и не подумала о том, чтобы продать его, но в тот момент словно отдалась течению, пошла в противоположном направлении и дважды обогнула детскую игровую площадку, прежде чем смогла пойти в сторону дома. А потом, как ни странно, едва очутившись внутри, утратила желание выходить снова. Я сплошное противоречие, нечего и удивляться, что мои родные жутко беспокоятся обо мне.

Это был *наш* дом, а теперь он стал моим, хотя мало было радости в том, чтобы в двадцать восемь лет освободиться от ипотеки, если при этом я осталась и без Фредди тоже. В свое время по совету нашего финансового консультанта мы оформили при покупке дома совместный полис страхования жизни. Мысль о том, что с кем-то из нас может что-то случиться до того, как мы расплатимся за дом, выглядела смехотворной. Просто нам очень нравилось считать себя предусмотрительными.

Я постаралась выбросить из головы эти мысли, потому что почувствовала: я снова близка к слезам. Фредди вопросительно смотрит на меня.

– Ну, теперь ты как? В порядке? – Он берет меня пальцами за подбородок и поглаживает щеку.

Я киваю и поворачиваю голову так, чтобы прижаться губами к его ладони, а он целует меня в макушку.

– Ты моя девочка, – шепчет он. – Я люблю тебя.

А мне захотелось, пусть даже это выглядело бы недостой-

но, вцепиться в него, умолять не покидать меня снова, но я не стала этого делать. Если это мои последние воспоминания о нем, я хотела бы запечатать их в своем сердце навсегда. Так что я встаю, берусь за лацканы его пиджака и заглядываю в его прекрасные, такие знакомые синие глаза.

– Фредди Хантер, ты – любовь всей моей жизни. – Я стараюсь произнести эти слова отчетливо и убедительно.

Он целует меня:

– Я тебя люблю больше, чем Киру Найтли.

Фредди мягко смеется, это ведь наша шутка. Мы выбрали для себя любимых актеров.

– О, так сильно? – Я округляю глаза, потому что мы всегда начинали с этого и двигались дальше; в случае Фредди это была Кира, в моем – Райан Рейнолдс.

– Именно так.

Выходя из спальни, он посылает мне воздушный поцелуй.

Внутри меня опять вскипает паника, обжигающая и желчная, и я впиваюсь пальцами ног в доски пола, чтобы удержаться на месте и не побежать следом за ним. Слышу его шаги на лестнице, стук закрывшейся парадной двери и тут же спешу к окну спальни, чтобы увидеть, как он почти бежит к углу улицы. С запозданием открываю окно, сражаясь со старыми задвижками, зову его, хотя и знаю, что он меня не услышит. Зачем я его отпустила? Что, если никогда больше его не найду? Ногти впиваются в подоконник, взгляд не отрывается от спины Фредди. Я почти ожидаю, что он раста-

ет, но этого не происходит. Он просто поворачивает за угол и теряется во внешнем мире, спеша на встречу с каким-то корпоративным кофейным клиентом, к девушке на четвертой платформе, во все те места, где я не могу быть.

Наяву

Пятница, 11 мая

Лицо у меня мокрое, во рту пересохло. Ощущаю нечто вроде вкуса крови. Хватаю телефон, смотрюсь в него, как в зеркало, обнаруживаю, что отчаянно искусала нижнюю губу. На ней даже остались отпечатки зубов, она распухла, как будто мне неудачно вкололи ботокс. В общем, я не в лучшем виде. Фредди, без сомнения, счел бы меня похожей на смешную рыбу-пузырь.

Фредди. Я закрываю глаза, ошеломленная гиперреализмом собственного сна, или что уж там это было. Я могу лишь сравнить это вот с чем: зайдя в магазин электротоваров, вы вдруг видите новейший, самый навороченный телевизор, из тех, за которые отдают целое состояние. Цвета у него ярче, изображение резче, звук чище. Это бриллиант технологии, это будто смотреть кино в супершироком формате. Нет. Это словно *попасть в фильм*. Все слишком реально, чтобы быть ненастоящим. Фредди был жив, и он принимал душ, и опаздывал на работу, и в очередной раз повторил шутку о Кире Найтли.

Напрягаю мозг, пытаюсь выудить из памяти какое-нибудь упоминание о кофейном клиенте, вспомнить, что говорил о нем Фредди до того, как умер. Уверена, что такого не было; выглядит так, словно Фредди последние пятьдесят семь дней

жил за какой-то завесой, продолжая ежедневные дела, не замечаемый остальным миром.

Меня снова одолевает желание попытаться заснуть, вернуться и найти Фредди, вернуться к той жизни, в которой его сердце продолжает биться, но в том мире он уже ускользнул на встречу, блеснув запонками и улыбкой. И как это ни странно для человека, который накануне не желал ложиться в кровать, я сейчас чувствую полное нежелание вставать. Мне требуется добрых пятнадцать минут, чтобы убедить себя в самой возможности покинуть спальню. Хотя особого выбора у меня нет. Сегодня суббота, а это значит, что скоро придет Элли.

Наяву

Суббота, 12 мая

– Мне снился Фредди. – Я сжимаю чашку с кофе обеими руками, скорее для утешения, чем для тепла.

Элли медленно кивает.

– Мне он тоже то и дело снится, – говорит она, размешивая сахар в своей чашке.

Меня передергивает от разочарования. То, что произошло со мной, слишком интимно для подобного разговора.

– Я скорее удивилась бы, если бы он тебе не снился.

– Вот как? – Я пристально смотрю на нее, желая, чтобы сестра подняла голову и сосредоточилась, потому что это очень важно. – Но со мной это в первый раз случилось.

Элли смотрит на кухонные часы:

– Ты готова?

Мы собираемся на завтрак к маме. Делаем это почти каждое субботнее утро, перед тем как я отправляюсь на могилу Фредди.

Думаю, это мамин способ добавить смысла в мой уик-энд.

Элли делает вид, что не замечает моих непричесанных волос и вчерашней футболки. Это одна из футболок Фредди. И волосы распущены тоже для него; ему нравилось, что они длинные, потому я уже несколько лет их не подстригала. Они, конечно, не доросли до ягодич, но постепенно ста-

ли одной из моих особенных черт. Лидия, подруга Фредди, блондинка с длинными волосами...

Будь это вчера, я, наверное, накинула бы джинсовую куртку и стянула бы волосы резинкой, прямо так, как они есть, спутанные, и сочла бы, что готова к выходу. Но сейчас было не вчера. И если прошлая ночь меня чему-то научила, так это тому, что я жива, а живые люди должны быть, по крайней мере, чистыми. Даже Фредди, который в строгом смысле слова *не был* живым, принимал душ.

– Дашь мне десять минут? – Я изображаю нечто вроде улыбки. – Думаю, пора мне слегка воспользоваться косметикой. Не дотрагивалась до косметички со дня похорон.

Элли смотрит на меня несколько растерянно. Похоже, я удивила ее.

– Ну, мне не хотелось этого говорить, но ты в последнее время выглядела немножко дерьмово, – сообщает она нарочито беспечным тоном.

От ее шутки у меня внутри что-то дергается, поскольку мы всегда были близки, как... ну, не знаю, как две горошины в стручке? Едва ли это подходит, ведь внешне мы не особо похожи. «Близки, как сестры» тоже не вполне подходит – уж слишком много негативных примеров. Вот у моей коллеги Джулии есть старшая сестра Сюзан. Так вот, эта самая Джулия вообще отказывается признавать генетическое родство с ней, потому что Сюзан – настоящая королева.

Или вот другой пример – Алиса и Элен, однайцевые

близнецы. Мы вместе учились в школе. Девочки носили одинаковую одежду и заканчивали друг за друга предложения, но готовы были толкнуть друг друга под автобус, чтобы заполучить место капитана команды баскетбола для девочек.

А мы с Элли... мы – Моника и Рэйчел из сериала «Друзья». Кэрри и Миранда из «Секса в большом городе». Мы всегда громче всех болели друг за друга на соревнованиях и подставляли плечо, чтобы поплакать, но только теперь я заметила, насколько отдалилась от нее. Знаю, что она не обиделась на меня и не будет винить, но, должно быть, ей приходится трудно. Можно сказать, Элли почти потеряла меня точно так же, как я потеряла Фредди. Я мысленно сделала для себя заметку: однажды, когда мне станет лучше, обязательно расскажу ей, как в самые темные дни она оставалась для меня единственным светом.

– Дай мне минутку! – Я отталкиваю стул, и тот скрипит ножками по деревянному полу.

– А я пока еще чашечку себе налью.

Я оставляю Элли в кухне, успокоенная звуком льющейся из крана воды и звяканьем посуды в буфете. Сестра всегда была здесь частым и желанным гостем. Но имейте в виду – не таким частым, как Джона Джонс, уж он-то почти все свое время проводил в нашем доме с Фредди. Даже засыпал на нашем диване, убаюканный каким-нибудь позабытым всеми фильмом. А то и вовсе за поеданием пиццы прямо из ко-

робки: они с Фредди талантами Джейми Оливера¹ не отличались. Я никогда не говорила об этом Фредди, но иной раз чувствовала, что Джона будто негодует из-за того, что ему приходится делить со мной своего лучшего друга. Впрочем, я всегда считала тройку странным числом.

– Дэвида сегодня нет?

Мама смотрит мимо нас, открыв парадную дверь. Иногда я думаю, что мужа Элли Дэвида она любит даже больше, чем сестру или меня. Но она так же относилась и к Фредди. Возможно, она наслаждается, по-матерински хлопоча вокруг мужчин.

– Нет, извини, сегодня только мы, – отвечает Элли без малейшего сожаления.

Мама театрально вздыхает:

– Я собиралась попросить его сменить термопредохранитель в моем фене, он опять сгорел. Теперь придется тебе самой это сделать.

Элли ловит мой взгляд за маминой спиной, и я точно знаю, что она думает. Дэвид был совершенно беспомощен, когда дело касалось ремонта или починки. И если у них собиралась рухнуть какая-нибудь полка, или нужно было сделать ремонт в одной из комнат, или хотя бы сменить где-то предохранитель, этим занималась только Элли. Но наша

¹ Джеймс Тревор «Джейми» Оливер – британский повар, ресторатор, телеведущий. – Здесь и далее примеч. перев.

мать упорно цеплялась за патриархальное убеждение, что Дэвид, как единственный мужчина в семье, сумеет сделать любую мужскую работу. Кстати, мама могла и сама прекрасно сменить предохранитель: она вырастила нас одна, и ничего, мы живы. Похоже, мама просто думает, что, если будет обращаться к Дэвиду за помощью, это повысит его самооценку. Несчастный Дэвид в свою очередь смотрел на нас с Элли полными ужаса глазами, беззвучно моля о помощи. Он даже на стремянку не мог подняться, не покрывшись потом с головы до ног. Несколько недель назад мне пришлось отвлекать маму, удерживая ее в кухне, пока Дэвид держал у наружной стены лестницу для Элли, которая чистила водосточные желоба. Это была наша общая игра: настоящим семейным мастером на все руки считался Фредди, а в его отсутствие Дэвида против его воли повысили до должности домашнего спасителя.

– Я готовлю омлет с сыром и луком, – сообщила мама, когда мы направились следом за ней по коридору. – Хочу испытать новое приобретение. – Она машет в нашу сторону ярко-розовой сковородкой. – Я и тете Джун такую купила, она сама никогда не доставляет себе такого удовольствия.

– Опять телемагазин? – уточняет Элли, бросая свою сумку на кухонный стол.

Мама пожимает плечами:

– Ну, случайно включила. Ты ведь знаешь, обычно я не покупаю по телевизору, но ведущая Кэтрин Магьяр оказа-

лась весьма убедительна, к тому же у моей старой сковороды как раз отвалилась ручка, так что это, похоже, была судьба.

Я прикусила распухшую губу, а Элли отвела взгляд. Мы обе знали, что мамин кухонный шкаф битком набит совершенно ненужными вещами из тех, что рекламировала супергламурная Кэтрин Магьяр, внушая, что они произведут настоящую революцию в вашей жизни.

– Хочешь, я нарежу лук? – предлагаю я.

Мама качает головой:

– Я уже все сделала. Он в мини-чоппере.

Я киваю, замечая измельчитель на кухонной стойке. Даже не спрашиваю, заказала ли она его в телемагазине, – разумеется, так и есть. Скорее всего, он куплен заодно с механической теркой для сыра, которую мама использовала для чеддера.

Вместо того я варю кофе, к счастью, без помощи излишне сложных приспособлений.

– Ты попробовала те пилюли? – спрашивает мама, разбивая в миску яйца.

Я киваю, задохнувшись при воспоминании о Фредди.

Она роется в куче кухонных штук, пока не находит венчик.

– И?..

– Действуют. – Я пожимаю плечами. – Спала как убитая.

– В кровати?

Я вздыхаю, а Элли коротко улыбается мне:

– Именно в ней.

От облегчения морщинки на лбу мамы разглаживаются, она начинает взбивать яйца.

– Это хорошо. Значит, больше никаких ночевок на диване, да? Это тебе не на пользу.

– Нет, обещаю.

Элли накрывает на стол. Три прибора. Наша семья увеличилась было до пяти, а теперь снова сократилась до четырех, но в чистом виде она всегда состояла из троих: мамы, Элли и меня. Мы с сестрой выросли без отца: он ушел за пять дней до моего первого дня рождения и мама так его и не простила. Элли была малышкой, а я грудничком, и отец решил, что жизнь с тремя женщинами не для него. Он перебрался в Корнуолл, чтобы заниматься серфингом. Такой уж человек. Каждые несколько лет сообщал, где находится, и раз или два даже без предупреждения появлялся на пороге нашего дома, когда мы с Элли еще учились в школе. Он неплохой человек, просто слишком ветреный. Приятно было знать, что отец где-то существует, но я в своей жизни совершенно в нем не нуждалась.

– Подумываю о том, чтобы купить новый кухонный стол. – Мама ставит перед нами тарелки и садится.

Мы с Элли вытаращились на нее.

– Нет, не надо! – восклицаю я.

– Невозможно! – вторит Элли.

Мама возводит взгляд к потолку; она явно ожидала сопро-

тивления новой идее.

– Девочки, да этот скоро развалится!

Мы всю жизнь сидели за этим потертым деревянным столом, всегда на одних и тех же местах. Он видел наши завтраки перед школой, наш любимый бекон по выходным и сэндвичи со свеклой. Мама, вообще-то говоря, человек привычки; ее дом не слишком изменился за все эти годы, и мы с Элли верили, что он и впредь останется более или менее таким же. А если подумать, мы точно так же относились и к маме: она, сколько я помнила, всегда ходила с одной и той же прической... Мы с Элли унаследовали ее лицо в форме сердечка. У нас были одинаковые ямочки на щеках, как будто кто-то нажимал пальцем на наши щеки, когда мы смеялись. Мама была нашей защитной сеткой, а этот дом – нашим убежищем.

– Мы же за этим столом готовили уроки! – Элли прижимает к столу ладонь.

– И каждое Рождество собирались за ним!

– Но он весь изрисован, – делает новую попытку мама.

– Да, – соглашается Элли. – Нашими именами, еще с тех пор, как мне было пять лет.

Она буквально вдавила в столешницу эти имена синей шариковой ручкой, сразу после того, как выучила буквы. И была жутко горда этим и просто не могла дождаться, когда же мама увидит, что она сделала. Имена до сих пор красовались на столешнице, детские буквы прикрывали столовые салфет-

ки. Барбара. Элли. Лидия. И после каждого – кривая маленькая птичка.

– Может, хочешь забрать его себе? – Мама смотрит на Элли, у которой пугающе аккуратный дом, где все подходит друг к другу или дополняет одно другое, и в нем нет абсолютно ничего потрепанного или испорченного.

– Его место здесь, – твердо отвечает Элли.

Мама смотрит на меня:

– Лидия?

– Ты же знаешь, у меня нет места. Ну пожалуйста, оставь его! Это же часть семьи!

Мама вздыхает, сдаваясь. Я вижу, она знает: это действительно так, и сомневаюсь, что она и в самом деле хочет избавиться от стола.

– Ну, может быть...

– Какой вкусный омлет! – меняет тему Элли.

Тут меня осеняет некая мысль.

– А что, Кэтрин Магьяр рекламирует новый обеденный стол?

Мама тянется за своим кофе и поглаживает стол, как старого друга:

– Я отменю заказ.

Как бы ни была хороша Кэтрин Магьяр, у нее нет ни единого шанса против семьи Бёрд.

Я смотрю на могилу Фредди, на букет обернутых целло-

фаном роз у основания надгробного камня – он ослепительно-ярок рядом с увядшими маргаритками и полевыми цветами, которые я сама положила на прошлой неделе. Кто-то другой побывал здесь. Коллега или, возможно, Мэгги, мать Фредди, хотя она и не приходит так часто – для нее это слишком тяжело. Он был ее единственным обожаемым ребенком, настолько любимым, что ей стоило немалых трудов включить и меня в свой круг любви. Она не ревновала, здесь крылось нечто большее, чем желание единолично обладать Фредди. Мы пару раз встречались после смерти Фредди, но я не уверена, что это пошло кому-то из нас на пользу. Она по-своему переживает потерю, и я не имею к этому никакого отношения.

Я не заплакала, чем сама себя удивила. Ценю то, что у меня есть место, куда могу прийти и поговорить с Фредди. Снова смотрю на розы, когда кладу свежие цветы, купленные по пути. Это фрезии и какие-то интересные серебристо-зеленые листья... Ничего столь броского, как розы. Розы – это для Дня святого Валентина, романтический выбор возлюбленного, лишнего воображения. В одном ряду с плюшевыми медведями. Наша с Фредди любовь была на расстоянии вселенной от открыток с готовыми надписями и светящихся сердечек. Она была огромной и настоящей, и теперь я чувствую себя как половина человека, будто художник стер с листа половину меня.

– Фредди, кто это тебя навещал? – спрашиваю я, кладя на

траву свой букет и бросая к ногам сумку.

Есть что-то невероятно депрессивное в том, чтобы держать в багажнике машины сумку с набором вещей для кладбища, вам не кажется? Бутылка с проточной водой, ножницы, чтобы подрезать стебли цветов до нужной длины, лоскуты для протирки камня... ну, всякие подобные предметы.

Когда я только начала сюда ходить, то мысленно проговаривала то, что собиралась сказать на могиле. Но ничего не получалось. Так что теперь я просто сижу молча, закрыв глаза и воображая, что нахожусь в каком-то совершенно другом месте. Я придумывала для нас самые разные места. Вот я дома, на диване, лежу, пристроив ноги на коленях Фредди. А вот рядом с ним в шезлонге в Турции – мы опрометчиво поселились в битком набитом на выходные отвратительном отеле, существующем лишь за счет бесконечного количества бесплатной выпивки. Или мы сидим напротив друг друга в маленьком темном кафе Шейлы, за углом от нашего дома, том самом, куда обычно отправлялись после бурной ночи за сэндвичами с беконом и для меня еще – со свеклой, это был мой постоянный заказ. Мне не понадобилось и двух секунд, чтобы решить, куда мы пойдем сегодня. Мы были в нашей большой теплой кровати из «Савоя», смотрели друг на друга, лежа на подушках, натянув на плечи одеяло.

– Привет, – говорю я, и мои глаза медленно закрываются, на губах блуждает улыбка. – Это опять я.

Благодаря тому, что случилось прошлой ночью, я без тру-

да рисую лицо любимого. Его пальцы переплетены с моими, теплые и сильные, и в моей голове он усмехается и шепчет:

– *Уже вернулась? А ты нетерпелива.*

Я слегка сержусь.

– Не могу сказать, как рада снова тебя видеть, – говорю я чуть слышным шепотом. – Я так по тебе тосковала!

Он тянется ко мне и гладит мою щеку:

– *Я тоже по тебе тосковал.*

И потом мы несколько минут не произносим ни слова. Я просто смотрю на него, а он вглядывается в меня так задумчиво, как никогда прежде.

– *И какие у тебя новости?* – наконец спрашивает он, наматывая на палец прядь моих волос.

– Вообще-то, почти никаких, – отвечаю я, и это правда, ведь все эти дни я едва ли выходила из дому. – Сегодня с Элли завтракали у мамы. Омлет с луком и сыром, потому что мама хотела испытать новую сковородку, купленную в телемагазине. – Немного молчу, потом продолжаю: – Тетя Джун и дядя Боб берут уроки стрельбы из лука.

Фредди находил регулярную смену их увлечений забавной: они, похоже, записывались на любые курсы для взрослых независимо от того, имелись ли у них способности к очередному занятию. Но дядя и тетя всегда были в хорошем настроении, настоящая соль земли, и Джун очень поддерживала маму после смерти Фредди. Подозреваю, что она так старалась для того, чтобы та могла поддерживать меня. Я вос-

хищалась тетей Джун, она пугающе походила на маму. Обе одинаково заразительно смеялись, так, что никто вокруг тоже не мог удержаться от смеха.

– Доун и Джулия, с работы, заходили несколько дней назад, принесли открытку и виноград. Виноград! Как будто я больная. – Я слышу легкое презрение в своем голосе, и мне становится не по себе. – Впрочем, с их стороны это было замечательно, я сейчас не лучшая компания. – Умолкаю на время, потом тихо смеюсь. – Я даже и не люблю этот чертов виноград! – Не открывая глаз, я делюсь с Фредди и другими новостями. – Элли нашла новую работу, – сообщаю я, вспоминая великую новость сестры. – Она будет теперь одним из менеджеров в том модном отеле в городе. Куча бесплатной выпечки или чего-то подобного.

Что еще я могу ему сказать? В моей повседневной жизни так мало перемен. Он, наверное, хотел бы услышать что-нибудь о спорте – о футболе или регби, – но я в этом не разбираюсь.

– Пару дней назад доктор выписал мне какие-то новые пилюли, – говорю я почти робко, потому что у Фредди на этот счет пунктик; он никогда не принимал никаких таблеток. – Просто чтобы помочь мне заснуть. Мама настояла, ты ведь знаешь, как она это умеет.

Понимаю, что нет ничего постыдного в том, чтобы нуждаться в помощи, но пусть он лучше гордится тем, как я со всем справляюсь. В моей голове Фредди спрашивает, помог-

ли ли пилюли, и я неуверенно улыбаюсь.

— Не думаю, что дело в них... Я совсем не ложилась в нашу кровать до прошлой ночи.

— *И как она тебе?*

— Я так боялась заснуть, — выдыхаю я, и сердце начинает биться сильнее. — Я же не знала, что встречу с тобой. — Я глупо хихикаю. — Сегодня себя совсем по-другому чувствую, — говорю я очень тихо, хотя вокруг нет никого, кто мог бы меня услышать. — Каждый день после той катастрофы был таким... словно я двигаюсь в сером тумане или в чем-то похожем, но сегодня в нем появился свет. Это как... не знаю... — Я пожимаю плечами и оглядываюсь по сторонам в поисках подходящего образа. — Как будто ты зажег для меня факел во всей этой путанице где-то далеко-далеко, и я взяла себя в руки, чтобы идти дальше по лабиринту. Найти тебя. Что мы делаем прямо сейчас там, где ты находишься? — Я посмотрела на свои часы. — Середина дня, суббота. Можно не сомневаться, ты собираешься на футбол с Джоной.

Боже, я готова укорять умершего! Но это потому, что иногда, думая о Джоне и о быстро исчезающем шраме на его лбу, я вскипаю от чувства несправедливости. Фредди должен был вернуться прямиком домой, на мой день рождения, а не заезжать за Джоной. Моя рациональная часть постоянно твердит, что это отвратительно — возлагать на Джону хотя бы долю вины, но иногда, поздно ночью, я не могу прогнать такие мысли. И я старательно избегаю Джону после похорон;

не отвечаю на его сообщения, не перезваниваю, пропуская его звонки.

– *Не будь к нему так сурова,* – просит Фредди.

Я вздыхаю: легко ему говорить!

– Знаю, знаю... Это просто... – Я открываю пакет с ветошью. Обсуждать это слишком тяжело. – Просто иногда гадаю, что если бы ты хоть раз предоставил ему добираться самому...

В приступе раздражения я протираю надгробный камень слишком энергично, произнося последние слова лишь мысленно.

– *Он был моим лучшим другом,* – напоминает Фредди. – *И твоим самым старым другом, помнишь?*

Бросаю увядшие цветы в мешок для мусора, ломая хрупкие стебли дрожащей рукой.

– Конечно помню!

С Джоной я ведь была знакома даже дольше, чем с Фредди.

– Но все меняется. И люди меняются.

– *Джона не меняется.*

А я не говорю ему, что он не прав, хотя это так. В Джоне в день того несчастья погас свет, и я не уверена, что он когда-либо найдет способ снова его зажечь. Я вздыхаю и смотрю на небо, понимая, что своим нежеланием общаться лишь увеличиваю ношу Джоны и чувствую себя из-за этого гадко.

– Я попытаюсь, ладно? Когда в следующий раз я увижу

его, то попытаюсь.

Это нечто вроде не слишком трудной сделки: знаю ведь, что на Джону натыкаюсь не особо часто.

– Наверное, мне пора уходить. – Я собираю все барахло в сумку и неосознанно всматриваюсь в золотые буквы имени Фредди.

Фредди Хантер. Его матушка хотела написать «Фредерик». Из-за этого мы едва не поссорились. Я стояла на своем. Он терпеть не мог, когда его называли Фредериком, и я просто не могла допустить, чтобы это имя было навсегда высечено на его могильном камне.

Медлю возле могилы, готовая и не готовая уйти. Это самая тяжелая часть визитов сюда: уход. Стараюсь не слишком много об этом думать. О том, что в реальности осталось от Фредди там, под землей. И случались моменты – в самые мрачные ночи сразу после похорон, – когда я всерьез подумывала о том, чтобы пробраться на кладбище и скрести землю до тех пор, пока пальцы не сомкнутся на скромной черной урне, содержащей всю мою жизнь вместе с Фредди. Чертовски хорошо, что мы не захоронили тело Фредди! Я совсем не уверена, что сумела бы остановить себя от того, чтобы не взять фонарь и лопату и не закопаться в темную землю рядом с ним.

Тяжело вздыхаю и наконец встаю, отдирая влажный пластиковый пакет от своих джинсов, а потом целую кончики пальцев и молча прижимаю их к камню.

– *Надеюсь, увидимся позже,* – шепчу я, скрещивая пальцы на обеих руках, поворачиваюсь и иду к автомобильной парковке.

Я бросаю мешок для мусора в контейнер, захлопываю крышку и одновременно вздрагиваю от вибрации моего телефона в заднем кармане джинсов. На дисплее вспыхивает имя Элли.

Забежишь со мной в «Принца»? Я уже на месте, нервничаю из-за новой работы! Уверена, ты сможешь выпить немножко со мной!

Я удивленно смотрю на сообщение, не представляя, что ответить. Я не заглядывала в наш местный паб со дня похорон Фредди. Конечно, сестра это знает; за последние недели я не раз отвергала подобные предложения. И дело не только в пабе; я не желала вообще никуда идти. Потом обдумываю утренние события; Элли, скорее всего, учла тот факт, что я причесала волосы и слегка подкрасилась, и восприняла это как знак моего продвижения от раскаленного, обжигающего горя к следующей стадии, какой бы она ни была. Не знаю, как это назвать; может, темно-серое горе? У психологов есть названия для каждого этапа, но сама я представляю их в цвете. Гневный красный. Бесконечно-черный. А здесь и сейчас – глубочайший серый, насколько видит глаз. Раздумываю над просьбой Элли. Могу я пойти в паб? Других планов у меня

нет. Моя суббота – чистый лист, и я понимаю, как взволнована сестра из-за новой работы. Она так много времени посвятила мне после несчастья... Наверное, имеет смысл вернуть ей частицу. Не давая себе времени отказаться, я быстро пишу:

Хорошо. Увидимся в десять.

Когда я вхожу в паб, мне кажется, что все смотрят на меня, как в одном из тех салунов Дикого Запада, где все замирают, если распахивается дверь, и таращатся на незнакомца, осмелившегося вторгнуться в их прибежище. Конечно, это преувеличение, учитывая, что в баре меньше двадцати человек и половина из них – пенсионеры с кружками легкого пива, следящие за игрой в снукер на экране маленького телевизора в дальнем углу.

«Принц Уэльский» – почтенный паб, в нем, как и полагается, имеются зеленые и коричневые ковры и картонные подставки под кружки в стиле 1970-х годов. Никакого сложного меню нет и в помине. Рон за барной стойкой время от времени выставляет хрустящие рогалики с сыром и маринованный лук, если вам повезет. Но это наш родной бар, прямо за углом от дома, здесь не толпятся хипстеры, и именно поэтому его любят местные. Я никогда до сего дня не волновалась, переступая его порог. А сейчас вот нервничаю до тошноты и чувствую себя невероятно одинокой, когда огля-

дываю зал в поисках сестры.

Замечаю ее раньше, чем она видит меня. Элли стоит вместе с Дэвидом и еще какими-то людьми у игрового автомата, боком ко мне, и держит в руке винный бокал, слушая незнакомого парня. Я тяжело сглатываю, узнав приятелей Фредди, тех, с кем мы вместе ходили в школу, парней, которые всегда были где-то на периферии моей жизни. Дэвид меня видит и подталкивает Элли.

Сестра мгновенно оказывается рядом со мной, ее рука скользит в мою ладонь.

– Хорошая девочка! – восклицает она.

Скажи так кто-нибудь другой, могло бы прозвучать снисходительно, но только не в устах Элли, потому что я знаю: она понимает, каким трудом мне это далось. И еще сестра попросту соскучилась по всему тому, что мы привыкли делать вместе.

– Пойдем выпьем.

Она сжимает мои пальцы, это легкий жест, который я вполне одобряю, и мы направляемся к стойке.

Стараюсь не переводить взгляд на группу у игрового автомата, хотя и знаю, что все они смотрят в мою сторону. По правде говоря, я избегала походов в те места, где люди знали Фредди, потому что не в силах была отвечать на вопросы о том, как я справляюсь, или слушать об их собственном потрясении и горе. Эгоистично ли это с моей стороны? Но я просто не в состоянии собрать достаточно эмоциональных

сил для подобных бесед.

Рон, владелец паба, улыбается Элли и тянется за новым бокалом:

– Повторить?

Она косится на меня, и через несколько секунд Рон соображает, что я – подруга Фредди. Нечто вроде паники на мгновение вспыхивает в его глазах, но он тут же берет себя в руки.

Элли кивает и поворачивается ко мне:

– Лидия?

На мгновение мне кажется, что я впервые в жизни очутилась в пабе, смущенная и вспыхнувшая жаром, мне снова семнадцать, но я делаю вид, что достаточно взрослая для выпивки. Мой взгляд скользит по бутылкам слишком быстро, а сердце начинает биться сильнее.

– Бокал вина? – предлагает Рон.

Он уже достает второй бокал с полки над головой, а я только и могу, что благодарно кивнуть. Рон не спрашивает, чего я хочу, просто ставит передо мной большой бокал чего-то прохладного и светлого, на мгновение касается моей руки и одаряет Элли яростным взглядом, когда та тянется за деньгами.

– За счет заведения, – произносит он ворчливо, почти рычит.

И тут же берет тряпку и начинает протирать стойку, изо всех сил изображая безразличие.

Я смотрю на Элли и вижу, что та слегка поражена его жестом. У меня уже слезы на глаза навернулись, а Род рискует протереть в стойке дыру. Беру свой бокал с кривой улыбкой и направляюсь к столику в углу. Элли на миг подходит к Дэвиду и компании у игрового автомата, а я отпиваю глоток вина и смотрю на них. Все как обычно. Деккерс и компания, пьют пиво перед трансляцией футбольного матча. Деккерс – старый друг Фредди. И Даффи, бухгалтер, тоже здесь, его светло-голубая рубашка выглядит слишком официальной для субботы. И Радж, парень, с которым мы вместе ходили в школу и который теперь владеет строительной фирмой, кажется. И еще кое-кто. А-а, Торчун! Только не спрашивайте, почему его прозвали Торчуном. Не знаю и знать не хочу. Он стучит по клавишам автомата. И еще здесь Стью, он, как мне кажется, основную часть своей жизни проводит в спортивном зале. Я не смотрю в глаза ни одному из них и уверена, что они лишь благодарны мне за это. Смерть – самый верный путь к тому, чтобы стать полным социальным изгоем.

– Бесплатная выпивка, – говорит Элли, садясь за маленький круглый столик рядом со мной. – Такое впервые.

Так и есть. В эти дни все кажется происходящим впервые. Я впервые жарю бекон без Фредди, ем прямо со сковородки, не кладя на хлеб. Впервые сплю одна в нашей кровати. Впервые пришла в паб как подруга того бедняги, который погиб в аварии. Могла ли я ожидать подобные «первые разы»?

— Мило со стороны Рона, — бормочу я, придвигая поближе к себе уже наполовину пустой бокал.

Надо пить помедленнее.

Потом открывается дверь, и входит Джона Джонс, с головы до ног в черном, и его темные волосы растрепаны, как всегда. Я ничего не могу с собой поделаться: внутри у меня все переворачивается, когда я вижу его одного, как будто герой мультика дятел Вуди остался без своего вечного противника грифа Базза. Джона останавливается, чтобы поговорить с парнями у автомата, кладет руку на плечо Деккерса, потом направляется к бару, поворачивается в нашу сторону, постукивая картонной пивной подставкой по краю стойки, пока Рон наливает ему пинту, рассеяннo улыбается. И вдруг улыбка соскальзывает с его лица, когда он наконец узнает меня. Очевидно, Джона тоже испытал нечто вроде удара в живот при виде пустого места рядом со мной, и тут же его охватывает неловкость. В последний раз я видела его на похоронах, и оба мы едва держались на ногах. Теперь он выглядит лучше, но его пальцы непроизвольно тянутся к зажившей ране над бровью. Не знаю, должна ли я встать и поздороваться с ним, так что остаюсь приклеенной к своему табурету. Он тоже вряд ли понимает, что ему делать, и это глупо, поскольку мы знакомы с двенадцати лет. А это больше половины нашей жизни, и все равно мы просто таращимся друг на друга через паб, как настороженные львы, пытающиеся понять, к одному ли прайду они принадлежат.

Джона берет кружку и разом проглатывает почти треть пинты, бормоча благодарность. Рон тут же доликает пива без каких-либо комментариев. Я испытываю облегчение, когда муж Элли невольно сбивает напряжение: приветствует Джону перед тем, как привести его к нам. Дэвид садится рядом с женой, а Джона наклоняется, чтобы чмокнуть в щеку сначала Элли, а потом меня; его теплая рука ложится на мое плечо.

– Привет, – говорит он, занимая табурет с моей стороны стола. Джона такого же роста, как Фредди, но он стройный и худощавый, в нем нет мощи игрока в регби, рядом с другом он все равно что пантера рядом со львом. – Много времени прошло...

Я могла бы назвать ему точное количество дней, прошедших после похорон, но вместо того вожу пальцем по краю пластиковой столешницы, лишь ухудшая положение.

– Да.

Он снова глотает пиво и ставит кружку на стол.

– Как ты вообще?

– В порядке, – говорю я.

Все слова выскочили из головы. Джона слишком тесно связан с Фредди, и я просто не знаю, как держаться с ним сейчас. Дэвид показывает Элли что-то в своем телефоне. Скорее всего, хочет дать нам с Джоной нечто вроде уединения.

– Я звонил.

– Знаю, – неловко киваю я. – Просто не чувствовала... не

могла...

– Все в порядке, – быстро отвечает он. – Я понимаю.

Я не говорю ему, что, вероятно, не понимает, поскольку знаю: он один из тех, кому больше всего не хватает Фредди. У Джоны и семьи-то нормальной нет. Наилучшими друзьями его матушки всегда были бутылки, а его отец был чьим-то еще мужем. У него не имелось братьев и сестер, которые разделили бы с ним ношу, не было домашнего уюта, к которому стоило бы стремиться после школьных уроков. Я все это знаю без подробностей, скорее от Фредди, чем от самого Джоны. В детстве он невнятно объяснял отсутствие его матери на родительских собраниях, а став взрослым, вообще никогда не упоминал о родителях. Фредди был для него единственной реальной заменой семьи.

– Но ты справляешься? – спрашивает он.

Между нами повисают невысказанные слова, пока Джона поправляет слишком длинные волосы, прикрывая шрам.

– Не расползаюсь по всем швам на людях, – пожимаю я плечами, – а это, поверь, вроде как улучшение.

Я слышу в собственном голосе легкое «мое-горе-потяжелее-твоего-будет», это тон укора; и это несправедливо. Он смотрит вниз и потирает обеими руками колени, тревожно, нервно, а когда снова обращает на меня темный беспокойный взгляд, я ощущаю, что Джона готовится что-то сказать, и спешу его опередить.

– Извини, – говорю я, вертя в пальцах ножку бокала. –

Похоже, я утратила способность к болтовне. Не обращай на меня внимания.

Он вздыхает и качает головой:

– Не волнуйся.

Ох, как все это ужасно и неловко! Джона снова постукивает картонным кружком по столу, это нервный ритм. Он музыкален до мозга костей; сам выучился игре на пианино и невесть на скольких еще инструментах. В детстве это было его главным увлечением. Фредди вообще не интересовался музыкой, за исключением одного короткого лета, когда вдруг решил, что должен стать рок-звездой. Но это прошло так же быстро, как началось, и все же время от времени он забирался на чердак к своей старой электрической гитаре и несколько минут воображал себя Брайаном Мэем.

– Не буду тебе мешать, – внезапно решительно произносит Джона.

Его пальцы на мгновение сжимают мое плечо, когда он встает.

Я почти готова остановить его. Наверное, нужно попытаться, протянуть ему нечто вроде оливковой ветви мира. Ведь пару часов назад я обещала это Фредди. Уже открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, но тут нас всех отвлекает Деккерс. Он всегда был одним из самых беспокойных ребят, когда мы учились в школе, – маленький, неорганизованный, настоящее проклятие учителей. В последние годы я не очень-то с ним общалась, и сейчас он слегка скован, ко-

гда ставит передо мной стакан. Отмечаю смущенный румянец, что странно при его обычной самоуверенности. Потом смотрю на стакан перед собой; какое-то спиртное – джин или водка со льдом. Неразбавленное. Может, он чувствует, что я нуждаюсь в чем-то покрепче, или попросту не способен представить, как кто-то по собственной воле захочет разбавлять спиртное.

Деккерс молчит, на одно ужасное мгновение мне кажется, что он готов заплакать.

– Спасибо, – чуть слышно говорю я.

Он кивает и тут же не спеша возвращается к игровому автомату, ссутулив плечи.

– Еще одна бесплатная выпивка. – Элли изображает беспечность. – Тебе нужно еще разок прийти сюда со мной.

Я улыбаюсь дрожащими губами, а Джона пользуется моментом, чтобы покинуть нас, и отправляется к бару.

Беру стакан и принимаюсь:

– Водка, похоже.

Деккерс оглядывается на нас от автомата, так что я вежливо делаю глоток. Боже, до чего же крепко! Чуть глаза не выскочили...

Ставлю стакан и смотрю на Элли:

– Даже зубы онемели.

– Ну, вреда не принесет, – то ли смеется, то ли фыркает она.

– Прямо с утра наливаюсь чистой водкой, – ворчу я.

В этот момент рядом с нашим столом возникает Торчун, долговязый и тощий как жердь.

И разыгрывается та же сценка: передо мной появляется неведомый напиток, молодой человек кивает.

– Спасибо... э-э... Торчун, – говорю я тоном какой-нибудь чопорной тетушки.

Дэвид поднимает свою кружку, и я вижу, что он пытается спрятать за ней усмешку. Торчун облегченно вздыхает и быстро ретируется.

– И что смешного? – возмущаюсь я.

– Просто это странно прозвучало, ты же назвала его Торчуном.

– А как еще мне его называть?

– Пит, пожалуй? Теперь его в основном так зовут.

Черт!..

– Фредди всегда звал его Торчуном, я уверена, – напоминаю я, краснея.

– Ну да, это его прозвище. Просто... не знаю. Это между приятелями. Он в детстве совершенно не умел разговаривать с девочками, ну и... – Дэвид резко умолкает, как будто пытаюсь сообразить, как поделикатнее это сформулировать.

– Представляю, – бормочу я, и мы оба таращимся каждый на свою выпивку.

Элли роется в сумке, вроде что-то ищет, а Дэвид слишком воспитан, чтобы посмеяться над моим смущением.

– Не могу это пить. – Я меняю тему.

И выпускаю тихий стон, потому что еще один друг Фредди приносит мне стаканчик. Даффи, бухгалтер. И то, что он всегда так сдержан, придает его жесту еще больше значения.

– Сожалею о твоей потере, – говорит он тоном распорядителя похорон.

Это фраза, которую я с радостью изгнала бы из английского языка, но ведь у Даффи добрые намерения.

– Спасибо, – благодарю я, и он уплывает прочь, исполнив свой долг.

Я их понимаю. Они выражают сочувствие. Это ведь те парни, которые веселились вместе с Фредди на футбольных матчах, а потом стояли в неофициальном почетном карауле перед церковью в день его похорон. Их внимание адресовано скорее Фредди, чем мне.

Ставлю стаканы в ряд, в отчаянии гадая, не будет ли слишком ужасно слить все в одну посудину и проглотить разом? Поднимаю голову и через весь паб ловлю взгляд Джоны – он несколько секунд смотрит мне в глаза не то с насмешкой, не то с сочувствием.

К счастью, парад бесплатных порций, похоже, закончился. Команда у игрового автомата, наверное, сообразила, что у девушки есть свой предел, или они забеспокоились на тот счет, что меня переполняют эмоции и я устрою сцену.

– Может, взять шейкер? – изображает заботу Элли. – Смешаешь с парой литров кока-колы и пойдет легче.

– Выпей одну, – почти умоляюще прошу я.

– Ты же знаешь, я не могу смешивать напитки, – смеется Элли. – У меня крыша едет.

Дэвид кивает, его серые глаза светятся беспокойством – он всегда волнуется за Элли. А его самого я не могу попросить о подобной помощи – он человек строго трех кружек пива. Не думаю, что вообще когда-нибудь видела его пьяным. Он не зануда – его сдержанное чувство юмора заставляет меня смеяться до слез, и он бесконечно любит мою сестру, что делает его в моих глазах суперзвездой.

Беру джин и напоминаю себе, что он славится как спаситель матерей. Или как губитель?² Я останавливаюсь на спасителе, потому что мне необходимо именно это – спасение от моей безжалостной печали. В окне вижу уличную уборочную машину, неторопливо ползущую вдоль сточной канавы. Вот было бы здорово, если бы она вычистила заодно все темные углы моего ума, пыльные комнаты в глубине, забитые воспоминаниями о ленивых воскресных утренних часах в постели, о поздних вечерах, когда мы пили кальвадос у озера во Франции. Я бы действительно стерла Фредди из своей памяти, если бы могла? Боже, нет, конечно нет! Просто очень тяжело, когда твоя голова переполнена такими вещами, а самого Фредди здесь уже нет. Возможно, со временем эти воспоминания станут драгоценными и я сумею даже получать

² В начале XVIII века в Англии началось повальное увлечение производством и употреблением джина. Массовый алкоголизм, который впервые затронул и женщин, привел к росту насилия, преступности, проституции, падению рождаемости. На этом фоне возникло определение для джина: «губитель матерей».

удовольствие, извлекая их одно за другим и расправляя перед собой, как ковер. Но не теперь.

Вино, водка и джин. Не лучшая комбинация для быстрого поглощения.

– Похоже, мне уже нужно прилечь, – сообщаю я.

– Ты перебрала. Пора домой. – Дэвид поднялся. – Мы тебя отведем.

Элли убеждается, что на нас никто не смотрит, и одним глотком разбирается с бренди, вздрогнув при этом.

– И чего только я для тебя не сделаю! – выдыхает она.

Я вполне одобряю и ценю ее жест – грубо и неприлично оставить что-то на столе нетронутым.

Рон машет мне, замечая, что мы направляемся к выходу. Парни у автомата умолкают и склоняют голову, когда я прохожу мимо. Чувствую себя королевой Викторией, тоскующей по принцу Альберту.

Мы все моргаем, выйдя на неяркий летний солнечный свет, и Дэвид подхватывает меня под локоть, когда я чуть не шагаю на мостовую.

– Крепкие напитки, однако, – бормочет он. – Но ты справились.

– Спасибо, – отвечаю я, слегка ошеломленная и слезливая.

Мы с Элли беремся за руки и, чуть покачиваясь, шагаем к дому. Дэвид идет немного позади. Он, без сомнения, не спускает с нас глаз.

– Чертовски тяжелая работа – горевать, – заявляю я.

– Полностью выматывает, – соглашается Элли.

– Это навсегда, как ты думаешь? – спрашиваю я сестру.

Она прижимает мою руку к себе:

– Лидия, твоя жизнь остается только твоей. Ты по-прежнему здесь и безусловно дышишь, видишь, как заходит солнце и встает луна, независимо от того, что ты думаешь. Даже если это сияние тебя чертовски раздражает!

Элли поддерживает меня, когда мы преодолеваем последние метры до моей парадной двери светло-бирюзового цвета. В нашем квартале у всех двери разных цветов – нежных, пастельных, – и это добавляет выразительности потрясающим коттеджам. Дверь уже была бирюзовой, когда мы купили дом. Один из местных активистов в свое время разослал всем таблицу цветов, и каждый выбрал для себя оттенок.

– Мне надо поспать, – решаю я.

Дэвид забирает у меня ключи и открывает дверь.

– Хочешь, зайдём ненадолго? – спрашивает Элли.

Я смотрю на них по очереди, отлично понимая, что стоит мне произнести словечко или просто кивнуть, они так и сделают. Они зайдут в дом, удостоверятся, что я заснула, убедятся, что снова проснулась, проверят, поела ли. Несмотря на соблазн окунуться в их заботу, я качаю головой. Что-то во мне сдвинулось, когда я сегодня отправилась в паб. Возможно, меня взбодрила встреча с Фредди во сне, а может быть, я обнаружила внутри себя маленький источник храбрости, не

знаю. Эти люди любят меня и так крепко поддерживают, что у меня нет необходимости бродить в одиночестве. Но рано или поздно придется. И настоящий момент не хуже любого другого.

– Нет, идите. – Я наскоро обнимаю их по очереди. – Мне нужно только выпить стаканчик воды и лечь спать.

Элли открывает рот, чтобы возразить, но Дэвид касается ее руки и говорит вместо нее:

– Хорошо. А могу я заодно предположить, что тебе стоит принять таблетку от головной боли?

– Отличная мысль! – Я салютую и заставляю себя улыбнуться.

Я провожаю их взглядом в течение нескольких секунд, пока они идут к своему дому, и рука Дэвида лежит на плечах Элли. Заставляю молчать ту часть меня, которая хочет окликнуть их, чтобы они вернулись, и вместо этого вхожу в дом и закрываю за собой дверь.

Во сне

Суббота, 12 мая

– Лидия?

Вам знаком тот сон, в который вы проваливаетесь в пьяном виде? Сон, похожий на погружение на дно моря? Я уже глубоко внизу, когда слышу, как Фредди окликает меня, и требуются все мои силы, чтобы сосредоточиться, оттолкнуться от дна и, отчаянно дрыгая ногами, добраться до любимого, пока он не исчез.

– Боже, Лидия, да ты пьяна до бесчувствия! – Рука Фредди сжимает мое плечо, легонько встряхивает меня. – Это так вы с Элли ходили по магазинам?

Я с трудом сажусь, устраиваюсь в углу дивана, потирая шею. Совершенно не представляю, который теперь час, спала ли я пять минут или пять часов. В голове грохот; и сердце тоже бешено бьется.

– Ты как-то странно на меня смотришь.

«Ты бы тоже странно смотрел, очутись на моем месте», – думаю я, но ничего не говорю, а только откашливаюсь.

– Можешь принести воды? – хриплю я.

Фредди хмурится, всматривается в меня, потом хихикает:

– Так вы по магазинам ходили? Боже, Лидс, это даже для тебя перебор! – Он уходит, возвращается с двумя таблетками и водой. – Вот, выпей это.

Я беру таблетки по одной, запиваю их.

– Ты выглядишь прямо как в фильме «Зомби по имени Шон». – Он поправляет мои волосы. – Но ты же не плакала?

Я сосредоточиваюсь на часах. Третий час дня – спала я недолго. Я потеряла представление о времени с того момента, как Элли и Дэвид оставили меня на пороге моего дома. Сразу заснуть так и не смогла, хотя голова была тяжелая и болела, и в последней надежде я проглотила симпатичную розовую пилюлю снотворного, добавив ее к алкоголю в моей крови.

И тогда это случилось. Я снова проснулась во сне, и Фредди рядом, ругает за то, что я слишком много выпила вместе с Элли. Наверное, нет смысла рассказывать ему, что я пила еще и с Джоной Джонсом, а потом мы оба плакали пьяными слезами. Фредди не поверил бы в такое. Я вообще не могу понять, что делаю здесь, в его мире. Может, стоило пойти утром по магазинам вместе с Элли, а уже после этого выпить бокал вина?

– Лидс, мне неприятно это говорить, но лучше смой косметику со щек. Джона собирался зайти, мы хотим посмотреть матч... – Он замолкает и смотрит на наручные часы. – Должен был появиться еще десять минут назад. Опаздывает, как всегда.

– Давай тогда займемся чем-нибудь без него. Отведи меня куда-нибудь. Куда угодно. Чтобы были только ты и я.

– Ты с каждым днем все больше становишься похожей на

Эда Ширана.

Фредди достает свой телефон из заднего кармана джинсов. Конечно же, для того, чтобы отправить сообщение Джоне. Потом откладывает телефон в сторону – мы слышим, как открывается задняя дверь.

– Почти вовремя.

Фредди усмехается, когда в гостиную быстро входит Джона с упаковкой «Будвайзера» под мышкой.

– Ну, скажи, что ты опоздал хотя бы из-за дамы!

Джона бросает взгляд на меня, и я уверена, что он хочет сказать: *«Ну да, я был с Лидией»*.

– Лидс, проходила пробу на «Ходячих мертвецов»?

Я таращусь на него, пытаюсь понять, что за игру он затеял. И если это игра, я совершенно не представляю, в чем она состоит. «Ходячие мертвецы»?

– Дубина, – бормочу я, и он снова внимательно смотрит на меня.

– Ворчунья! – отстреливается он, потом усмехается.

– Она только что проснулась, – поясняет Фредди, отправляясь за пивом. – Ей нужно еще несколько минут, чтобы снова засиять.

Джона падает на другой конец дивана, забрасывая руки на спинку. Его не должно быть здесь. Это *мой* сон. Я совершенно уверена: этот сон означает, что Фредди предназначен для меня одной. Почти верю в силу своего воображения и мысленно пытаюсь изгнать Джону из гостиной. Он просто

обязан вскочить и уйти задом наперед, как будто я нажимаю на кнопку перемотки «назад» на пульте DVD. Но Джона не исчезает. Он лишь сильнее разваливается на диване в своей обычной манере, как будто где-нибудь на пляже, держа в руке пиво и зарывшись ногами в песок.

– Лидс, что у тебя новенького?

Ладно, пусть все будет так. Наверняка он перестанет прикидываться теперь, когда Фредди вышел из комнаты?

– Ты сам знаешь, – шепчу я, наклоняясь к нему, испытывая его. – Утром, в пабе? Вино, и джин, и водка, и бренди?

Он сконфуженно таращится на меня:

– Этим утром? Черт побери, Лидс, это что-то новенькое!

Наблюдаю за ним в задумчивом молчании и осознаю, что в его ясных карих глазах нет и намека на понимание. Там только недоумение, а потом зарождается легкая неловкость – по мере того, как тянется молчание. Даже смущение. Я съеживаюсь и отодвигаюсь подальше к своему концу дивана, осознавая, что пахнет от меня, как от ковра в пабе, и, наверное, выгляжу так, что кто-нибудь просто обязан всадить в меня порцию серебра для безопасности окружающих.

– Не обращай внимания, – говорю я, накрывая голову подушкой. – Сделай вид, что меня здесь нет.

Ирония меня не покинула. Я ведь просто не могу находиться в этой комнате...

– Поставить чайник? Кофе поможет.

Я подавляю всплеск раздражения и желание сказать Джо-

не, чтобы он шел подальше со своими попытками быть полезным. Сбрасываю с лица подушку, сажусь и тру щеки. Фредди возвращается и падает в кресло.

Фредди. Мне хочется сесть к нему на колени. Хочу вдохнуть его запах, хочу, чтобы его руки обняли меня, а губы поцеловали. А еще, чтобы Джона Джонс провалился куда-нибудь, пусть даже он протягивает руку через кофейный столик и берет у Фредди пиво и они тут же принимаются беззаботно болтать. Пару минут я лежу с закрытыми глазами, изображая безразличие и наблюдая за Фредди сквозь ресницы. Мои глаза внезапно распахиваются, потому что Джона сообщает нечто...

– Решил купить мотоцикл.

Я удивлена. Даже встревожена. Фредди ведь тоже постоянно говорит о мотоцикле, он же всегда стремится к скорости. Но Джона никогда не казался мне человеком такого типа. А после трагедии с Фредди одна только мысль о том, что кто-то может добровольно подвергать себя подобному риску на дороге, наполняет меня ужасом. Для меня было достижением уже то, что я села за руль автомобиля.

– Ты только представь, что иногда меняешь «сааб» на байк! – бодро восклицает Джона.

Он ездит на старом «саабе» с откидным верхом, это настоящий боевой корабль на колесах, обитый кожей. Джона любит его без видимых причин.

– Он уже довольно старый, так не пора ли слегка встрях-

нуться?

– Не делай этого! – говорю я слишком громко и слишком испуганно.

Они оба смотрят на меня, удивленные неожиданной вспышкой.

– Меня подтолкнула к этому фотография на доске в учительской. – Джона медленно переводит взгляд с меня на Фредди, решив оставить мои слова без внимания, видимо подумав, что я брякнула это случайно. – Байк Граймса Клещи.

Фредди взрывается смехом:

– Ты покупаешь байк Граймса Клещи?

Граймс преподавал у нас математику. А свое прозвище заработал тем, что хватал учеников за воротники, чтобы выкинуть из класса. Чаще всего доставалось Фредди. Странно было слышать, как Джона говорит теперь о терроризировавших нас учителях, будто о своих нынешних коллегах.

– Ты просто глазам своим не поверишь, когда его увидишь! – Джона сияет. – Классический «нортон макс»! Граймс почти не выводил его из гаража с тех пор, как купил.

Насколько я помню Граймса Клещи, он, вообще-то, не был любителем носиться сломя голову по большим дорогам.

– Он же всегда ездил на древнем белом «вольво», – вспоминает Фредди.

– И до сих пор ездит, – кивает Джона.

– Не может быть!

Джона снова кивает:

– Отгоняет в сервис дважды в год и очень о нем заботится.

Говорит, эта машина сделана на века, как и его жена.

Я удивлена уже тем, что Клещи до сих пор жив, да к тому же продолжает шутить в стиле семидесятых о многострадальной миссис Граймс. Он еще сто лет назад должен был выйти на пенсию; и то, что он до сих пор преподает, а более того то, что до сих пор водит машину, ошеломило меня.

Фредди включает телевизор; матч вот-вот начнется. Эксперты вдоль боковых линий поля, в огромных куртках, берут интервью у всех, кого могут поймать. Мне вдруг становится жарко, накатывает тошнота; похмелье и разговоры с умершим женихом способны еще и не такое сотворить с девушкой. С трудом поднявшись на ноги, я что-то бормочу насчет ванной комнаты и спешу к лестнице.

Десять минут спустя поднимаюсь с колен, держась за унитаз. Мне гораздо легче после того, как мой желудок освободился от всего содержимого. Я полощу рот и смотрюсь в зеркало над раковиной. Боже, выгляжу чудовищно! Свежие следы слез, смывших косметику, перепачкали щеки. И тут я замечаю, что на мне висит крошечный эмалированный кулон в виде синей птички – тот, который мама подарила мне на восемнадцатилетие. Я не могла надеть его этим утром, поскольку потеряла кулон пять лет назад.

– Теперь лучше? – спрашивает Фредди, когда я спускаюсь.

– Думаю, мне нужно перекусить. – Я изображаю лучезарную улыбку.

– Пожалей свой желудок, – советует Фредди, снова сосредоточиваясь на игре.

– Пицца? – Джона кивает на открытую коробку на кофейном столике.

Вид расплавленного сыра заставляет желудок снова судорожно сжаться.

– Лучше тост, – говорю я.

Пальцы сжимают синюю птичку, приютившуюся между моими ключицами. Как приятно снова ощущать ее! Кулон я потеряла где-то в клубе, но не заметила этого до следующего дня. Безделушка не представляла ценности ни для кого, кроме меня, и, конечно, никто не стал бы искать ее хозяйку. Мой мозг пытается сложить все части, понять, что это означает: почему кулон снова здесь?

Сидя за кухонным столом, я опускаю голову на сложенные руки и просто прислушиваюсь. Слышу оживленные комментарии Фредди по поводу игры и как Джона со смехом советует ему успокоиться, пока у него не случился сердечный приступ. Звякают пивные бутылки, когда их ставят на стеклянный кофейный столик, который так любил Фредди, а вот мне он никогда не нравился... Это была привычная жизнь, и я воспринимаю ее как нечто само собой разумеющееся, независимо от того факта, что Фредди умер пятьдесят восемь дней назад.

Нет, это уж слишком! Мой похмельный мозг не может с этим справиться. Я не хочу ни тоста, ни воды, ни просыпаться, чтобы обнаружить, что Фредди здесь нет. Потому возвращаюсь в гостиную и сажусь на пол рядом с креслом Фредди, кладу голову ему на колени. Он рассеянно гладит мои волосы и шутит насчет того, что я не способна удержать в себе спиртное. Фредди так увлечен игрой, что не замечает влажного пятна на своих джинсах от моих слез. Закрываю лицо волосами и зажимаюсь. Я слишком устала и могу лишь прижиматься к теплоте тела любимого. Не думаю, что до конца футбольного матча осталось много времени. Я пытаюсь сосредоточиться на своих наручных часах, но перед глазами все расплывается. Иди же ты домой, Джона Джонс! Возвращайся к себе, чтобы я могла лечь на диван рядом с Фредди и расспросить его о том, как у него прошел день. Мне необходимо прижаться к нему ухом и ощущать вибрацию его груди, когда он говорит. Он наматывает на палец мои волосы, а я сражаюсь, по-настоящему сражаюсь со сном, но безуспешно. Мои веки тяжелеют, я просто не в силах их поднять, хотя отчаянно хочу бодрствовать, потому что уже скучаю по Фредди.

Наяву

Суббота, 12 мая

Это ужасно. Я только что проснулась в одиночестве в гостиной, на столике стоит вода вместо пива, и никакой холодной пиццы. Никакого Фредди. *Значит, вот так.* Поэтому я и не хочу спать! Пробуждаться и осознавать, что он умер, слишком тяжело, слишком мучительно. Цена снов о нем куда выше, чем я могу хотя бы надеяться заплатить. Эта цена куда выше той, которую *кто-либо вообще* должен *когда-либо* платить. И вне всякой логики обрывок из самого прославленного стихотворения Теннисона, из школьных уроков, всплывает в моей голове, пока лежу на диване, пытаюсь собраться с силами и заставить себя подняться. «Уж лучше любить и потерять, чем не любить никогда». Эти слова знают все. Что ж, Теннисон, друг мой, могу поспорить, что твоя жена не врезалась в дерево и не оставляла тебя с каким-нибудь Билли-как-его-там или с Джонсом, так? Ведь наверняка, случись такое, ты бы решил, что лучше все же не любить вообще.

Вздыхаю, чувствуя себя чересчур жестокой, потому что вспоминаю из тех же уроков еще и то, что Теннисон написал это стихотворение, когда горевал по своему самому любимому, самому близкому другу, так что, возможно, и его сердцу тоже пришлось пройти через нечто вроде мучитель-

ной боли. Плакал ли он столько же, сколько и я? Иногда слезы приносят облегчение, а иногда заставляют почувствовать невыразимое одиночество, потому что ты знаешь: никто не придет и не обнимет тебя. И я сейчас не сопротивляюсь слезам – плачу и по бедному старому Теннисону, и по бедной старой себе.

Во сне

Суббота, 12 мая

– Теперь тебе лучше?

Я не собиралась принимать еще снотворное. С трудом дотянула до восьми часов, а потом сдалась, забралась ранним вечером в постель и проглотила пилюлю.

Проснулась на диване, голова на коленях Фредди. Он, поглаживая мои волосы, смотрит полицейский боевик по телевизору. Наконец-то я избавилась от остатков головной боли.

Переворачиваюсь на спину.

– Думаю, да, – говорю я, ловя его руку.

– Ты половину пропустила, – сообщает он. – Перемотать?

Смотрю на экран, но понятия не имею, что там идет, и качаю головой.

– Ты храпела, как дикий зверь. – Фредди тихо смеется.

Это его дежурная шутка: он убеждает меня, что я громко храплю, а я это отрицаю. Не думаю, чтобы я когда-нибудь храпела, он просто дразнит меня.

– Могу поспорить, что Кира Найтли храпит, – бурчу я.

Фредди вскидывает брови:

– Не-а. Она, возможно, напевает тихонько, как...

– Грузовик? – предполагаю я.

– Котенок, – возражает Фредди.

– Котята не напевают. Они кусают тебя за ноги, когда ты

спишь.

Фредди пару секунд обдумывает это.

– Мне нравится мысль о том, чтобы Кира Найтли кусала мне пальцы ног.

– У нее должны быть суперострые зубы. Будет больно.

– Хм... – Фредди хмурится. – Ты же знаешь, я плохо переношу боль.

Это правда. Для такого большого и уверенного человека это странно, но Фредди сразу начинает хныкать, если ему больно.

– Может, мне лучше держаться тебя. Кира, пожалуй, потребует слишком многого.

Я поднимаю его руку и кладу на свою, ладонь к ладони, отмечая, насколько его рука крупнее моей.

– Даже если я храплю, как боров?

Он сплетает свои пальцы с моими:

– Даже если ты храпишь, как стадо боровов.

Я прижимаю его руку к лицу и целую пальцы:

– Знаешь, это не слишком романтично.

Он останавливает фильм и смотрит на меня сверху вниз, и в его синих глазах веселье.

– А что, если я скажу, что ты очень хорошенький боров?

Я кривлю губы, размышляя, потом качаю головой:

– Нет, все равно не романтично.

– Ладно, – медленно кивает Фредди. – Значит, никаких боровов?

– Немножко лучше, – соглашаюсь я, еще подумав, стараясь не улыбаться, и при этом поднимаюсь и сажусь к нему на колени, вытянув ноги на диване.

Фредди берет меня за подбородок и внимательно смотрит мне в глаза:

– Хотя если ты боров, то и я боров.

Я хохочу. Похоже, я слишком часто заставляла его смотреть «Дневник памяти»³, он уже начал цитировать этот фильм.

– Фредди Хантер, ты даже не представляешь, как я тебя люблю. – Тут же поцелуем я объясняю, как именно.

И даю обещание самой себе. Это место, где бы оно ни было или чем бы оно ни было, так прекрасно, что, пока я здесь, буду наслаждаться каждым мгновением.

³ Перефразированная цитата из фильма «Дневник памяти»: «Если ты птица, то и я птица».

Наяву

Воскресенье, 20 мая

Дребезжит дверной звонок. Мой взгляд скользит к часам, я раздражена тем, что мне помешали ничем не заниматься. Да, оказывается, уже середина дня, а я все еще в пижаме, но... Эй, сегодня же воскресенье! К тому же я *действительно* приняла душ. Честно говоря, я бы предпочла лежать здесь и дальше, пока диван меня не переварит. А такое и в самом деле может случиться. Я это видела в утренней программе – химикаты в вашем диване могут слопать вас живьем, если вы будете лежать слишком долго. Я даже думаю, что это не такой уж неприятный сон наяву: диван раскрывается, как большой цветок венеиной мухоловки, и заглатывает меня целиком. Серьезно поразмыслить об этом мне не дали: Элли уже всматривается через окно эркера. По тому, как она шарит рукой в своей сумке, я понимаю: она ищет ключи, чтобы войти в дом. Я, вообще-то, не давала маме или Элли свои ключи. Видимо, одна из них сочла необходимым стащить у меня запасные в самые тяжелые дни после несчастья, и они явно сделали столько дубликатов, чтобы неведомо какое количество людей могло ворваться сюда и не дать мне валяться без дела, когда они считали это нужным.

Я сажусь и пытаюсь слегка согнать мрачное выражение со своего лица, пока Элли кладет свою сумку на стол в коридоре

и окликает меня.

– Я здесь! – отвечаю я, придавая своему голосу бодрость, которой не чувствую.

– Ты что, не слышала звонок?

Элли заглядывает в дверь, снимая туфли. Я вовсе не требую, чтобы гости снимали обувь. Это просто привычка, привитая нам обеим матерью еще в те времена, когда она постелила в доме нашего детства кремовый ковер.

– Я два раза звонила, стучала!

– Задремала. – Я трясую головой, чтобы прийти в себя, и встаю. – Ты меня разбудила.

Лицо Элли вытягивается.

– Плохо спала ночью?

– Так себе, просыпалась все время.

Вряд ли это честный ответ. Я не хочу принимать пилюли, которые помогут заснуть, потому что отправляться в мою другую жизнь тогда, когда все спят и там и здесь, кажется мне пустой тратой времени. Наблюдать за спящим Фредди, конечно, наслаждение, но я жажду завладеть его временем, и его словами, и его бодрствующей любовью. Я стала ночным зверьком: просыпаюсь вместе с Фредди, когда мне вроде полагается спать, пытаюсь спать, когда мне положено бодрствовать. Но я не объясняю всего этого сестре. Если скажу, что нашла лазейку в другую вселенную, где Фредди не умер, она подумает, что я наглоталась энергетиков. Или водки. Снова.

Сестра идет за мной в кухню, прихватив из коридора по-

лотняную сумку для покупок.

– Купила всякой всячины, может, тебе что-то понравится, – говорит она.

На столе появляются готовые блинчики и свежие лимоны. Вторник на Масленой неделе, последний день перед католическим постом, был великим событием во времена нашей юности. Элли всегда пекла блинчики как настоящий профессионал. Если мои обычно шлепались на пол, то у Элли аккуратно соскальзывали со сковороды. Эти безупречно круглые изделия мы потом и ели с сахаром и лимоном.

– Лимоны для джина?

Моя неуклюжая попытка пошутить не удается. Элли поднимает маленькую сетку с лимонами и демонстративно кладет ее на пакет с блинчиками. Нельзя, конечно, сказать, что я такой уж большой любитель джина, но сестра тревожится. Похоже, она теперь с ужасом представляет, как я напиваюсь в одиночестве за кухонным столом посреди ночи.

Из сумки появляются куриные грудки, две в одной упаковке. Я не спрашиваю Элли, для кого вторая. Не ее вина, что все в мире поставляется парами, а я ведь теперь Лидия-одиночка.

– Пирожные, – сообщает Элли. – Кофейные с грецкими орехами, твои любимые.

Она думает, что я это забыла? Смотрю на нарядную вощеную упаковку и послушно киваю:

– Ну да.

Элли достает из сумки молоко и сок, потом хлеб, яйца и ветчину.

– Ты совсем не обязана это делать, ты же знаешь. – Я открываю холодильник, чтобы сложить все в него.

Скудное содержимое холодильника кричит, что я привираю: большинство из того, что там лежит, куплено кем угодно, только не мной. Суп в мамином контейнере «Таппервер», виноград от коллег, сыр и масло, которые Элли принесла на этой неделе. Единственным, что я приобрела сама, были вино и пакет печенья.

– Знаю, что не должна, но мне это нравится, – говорит сестра, передавая мне пачку масла. – Сварить кофе?

Я благодарно киваю.

– Мы собираемся сегодня чем-то заняться? – уточняю я, замечая в коридоре еще сумки.

Надеюсь, что мы с ней не строили какие-то планы, о которых я забыла.

Элли бросает на меня странный взгляд, секунду молчит, потом качает головой:

– Я прошла по магазинам в городе, прежде чем прийти к тебе. Не думала, что тебе тоже захочется.

– В следующий раз, – беспечно бросаю я.

Элли неуверенно улыбается, возможно, потому, если отбросить в сторону прошлые выходные в «Принце», что впервые за несколько недель я дозрела до того, чтобы намекнуть: я готова к чему-то, кроме топтания по дому, как Николь

Кидман в «Других».

– Купила что-то интересное? – спрашиваю я. – Кроме кофейных пирожных?

– Просто кое-что для работы.

Элли отмахивается от вопроса, хотя мама говорила мне, что сестра сильно волнуется из-за новой должности в отеле.

– Можно посмотреть?

Если честно, взгляд, брошенный в мою сторону, заставляет почувствовать себя самой дерьмовой сестрой на свете. В нем надежда пополам с подозрением. Осторожный взгляд, кошачий, словно я могу вдруг передумать и отобрать блюдо с молоком. Устыдившись, я бормочу что-то одобрителное, когда сестра показывает купленную одежду, и даже испытываю укол искренней зависти по поводу ее новых туфель. То есть не из-за туфель самих по себе, а из-за того, что они представляют. Новые туфли, новая работа, новое начало. Надеюсь, что она не найдет там еще и новых друзей, получше.

– Волнуешься? – спрашиваю я, наблюдая за тем, как она прикрывает туфли полупрозрачной бумагой, прежде чем закрыть крышку.

В «Друзьях» она определенно была бы Моникой.

– Еще как! Боюсь, что буду там вроде нового ученика в школе. Причем такого, который никому не нравится.

– Вряд ли найдется кто-то, кому бы ты не понравилась, – тихо хихикаю я.

На лице Элли отражается сомнение.

– Я слишком слабая?

– Не слабая. Определенно не слабая. Просто добрая и забавная. – Я слегка морщусь нос. – А иногда немножко начальственная. – Раздвигаю на дюйм большой и указательный пальцы. – Вот на столько.

Она смотрит на меня исподлобья:

– Это лишь потому, что тебе иногда необходим начальник.

– Я рада, что это именно ты.

– Считай, тебе повезло. Это могла оказаться мама, – соглашается Элли, и мы дружно киваем: это чистая правда.

– Тебе придется руководить людьми?

– У меня будет около десяти человек в подчинении.

– Ох, но тогда ты будешь не новым учеником, а новым учителем! – проницательно замечаю я. – Они постараются произвести на тебя впечатление, подсовывая яблоки и всякую ерунду.

– Полагаешь? Если они так сделают, я все принесу сюда и заставлю тебя съесть. Тебе витамины нужнее, чем мне.

– Ты опять держишься как босс.

– Тренируюсь, готовлюсь к понедельнику.

– Ты справишься. – (Мы замолкаем и пьем кофе.) – Пирожное? – предлагаю я.

– Буду, если ты будешь.

Это напоминание о множестве других дней нашей жизни. Катание с горки за домом зимой, когда мы были совсем еще детьми. Мы садились на мамины чайные подносы и говорили

друг другу то же самое: «Поеду, если ты поедешь». Став подростками, прокалывали уши в парикмахерской неподалеку от дома: «Я буду, если ты будешь». Еще порция спиртного напоследок, хотя нам обоим уже достаточно: «Я буду, если ты будешь». Дыши, даже если у тебя разрывается сердце: «Я буду, если ты будешь...»

Я беру пирожные и разворачиваю красивую упаковку:
– Договорились.

Пирожные переходят в непредусмотренный кинопир, когда Элли включает телевизор и находит «Грязные танцы». Мы проводим пару весьма приятных часов, наблюдая, как Партик Суэйзи с пылающими глазами извивается в танце с Бэби Хаусман. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз танцевала, но не могу. Как будто моя жизнь раскололась на две части: до аварии и после. Иногда мне трудно припомнить события прежней жизни, и в моей груди вспыхивает панический страх: я боюсь забыть нас или забыть Фредди Хантера. Точно знаю, что всегда буду помнить главное: его лицо, наш первый поцелуй, его предложение. Однако есть ведь и другое: ночной запах его тела, твердая решительность в его глазах, когда он спас из-под колес крошечную лягушку на дороге, а потом гнал машину к местному парку, завернув лягушонка в свою футболку... Или то, как он мог отгибать далеко назад мизинец на левой руке. Вот такие воспоминания я боюсь растерять; мелкие события, которые формируют нас.

Например, когда мы в последний раз танцевали. Воспоминание приходит, и тугой узел у меня в груди медленно раскручивается. Это было в канун Нового года, мы праздновали в «Принце», а потом возвращались по замерзшим улицам домой, и всю дорогу Фредди поддерживал меня, хотя сам уже едва стоял на ногах и раскачивался во все стороны.

На прошлой неделе я споткнулась на той же самой дорожке и, если бы не Дэвид, могла бы свалиться в канаву.

Ладно, но сейчас воскресенье, и все в порядке. Сестра ушла домой к мужу, а мне нужно еще кое-что сделать.

Во сне

Понедельник, 21 мая

Мне требуется пара секунд, чтобы осознать: мы «У Шейлы», в кафе на крошечной улочке неподалеку от дома, и официантка только что поставила на стол два полных английских завтрака, хотя время уже за полдень. Это наш обычный заказ здесь; Фредди любит его куда больше, чем я, и потому проглатывает и половину моей порции. Чувствую себя отлично, ведь я вернулась в привычную обстановку.

– Это лучшее в Банковских каникулах⁴. – Фредди вилок цепляет сосиску с моей тарелки и перекладывает ее на свою. – Дополнительный завтрак.

В этом кафе повсюду жаропрочный пластик, даже стулья из него. Чай для рабочих и растворимый кофе в разнородных кружках. Краска на вывеске снаружи поблекла и облупилась. Однако все недостатки компенсируются большими порциями и радушием хозяйки. Муж Шейлы собственноручно нарисовал вывеску кафе сорок лет назад. Он уже пару лет как умер – просто упал, когда жарил бекон на кухне. Именно так, как он и хотел. В церкви в день его похорон свободных стульев не осталось. Я помню, как меня стиснуло между Фредди

⁴ Общественный праздник в Великобритании и странах Содружества, возникший в XIX веке, сегодня стал нарицательным названием для большинства праздников.

и кем-то из соседей и как человек рядом со мной, захлебываясь рыданиями, бубнил, что не знал никого, кто лучше умел бы готовить черный пудинг. И это соответствовало истине. Ловлю взгляд Шейлы, когда она появляется из-за сооруженной из бус занавески, отделяющей кухню, и улыбается мне. Она подмигивает Фредди, а он в ответ поднимает большой палец.

– Бекон лучше, чем у моей матушки! – заявляет он и улыбается, а Шейла сияет от удовольствия. – Только ей не говори!

Он умеет это делать – заставлять людей чувствовать себя его любимцами. Я за многие годы видела бесчисленное множество раз, как кто-нибудь на мгновение попадает в луч его света.

– А я как раз вспомнила о кетчупе, – говорю я, невольно вовлеченная в болтовню с Шейлой.

Я встаю и подхожу к стойке, это всего пять шагов, недостаточно, чтобы оформить мои мысли в слова.

– Милая, все в порядке? – спрашивает хозяйка, глядя мимо меня на едва тронутый завтрак.

Шейла отчаянно гордится своими кулинарными талантами, несмотря на непритязательный вид ее кафе.

Я киваю, прикусив губу.

– Еще чай? – предлагает она, слегка смущенная.

Качаю головой, чувствуя себя ужасно глупо.

– Нет, я просто хотела кетчупа. – Потом, после заминки,

продолжаю: – И выразить соболезнования по поводу Стэна.

Я ошеломила ее и замечаю в глазах Шейлы нечто знакомое. Узнаю эту мимолетную боль, когда Шейла набирает воздуха в грудь перед тем, как что-то произнести. Сама час-тенько так делаю, если кто-то неожиданно упоминает имя Фредди. Но она продолжает молчать, так что я заполняю пустоту.

– Просто... я его помню. Вот и все.

Это мой собственный страх, выраженный вслух, – страх, что мир забудет Фредди Хантера. Конечно, я-то не забуду, но кто-то другой уже сидит за его столом в офисе, и кто-то другой носит майку с его номером на футбольном матче вечером в понедельник. Да, это абсолютно правильно, что Земля продолжает вращаться, но иногда мне хочется, чтобы люди подтверждали: они помнят... И потому я говорю это Шейле, но внезапно чувствую, что переступила границу.

– Когда ты молод, тебе кажется, что твое время никогда не кончится, – наконец произносит Шейла. – А потом вдруг оглядываешься и видишь, что ты стар и кое-кого нет рядом, и пытаешься понять, почему это годы летят так быстро... – Она кивает в сторону Фредди, потом пожимает плечами. – Пользуйся случаем, пока светит солнце. Вот и все, что я скажу.

Фраза вполне стандартная, но мне она такой не кажется, потому что чертовски точно характеризует мой бодрствующий мир – кто-то погасил в нем солнце. Я беру кетчуп и,

коротко кивнув, возвращаясь к Фредди.

– Замечательно воспользоваться случаем сегодня днем? – тихо бормочу я и провожу ладонью по плечу Фредди, прежде чем сесть.

– Воспользоваться случаем? – недоуменно повторяет Фредди. – Это что, какой-то девчачий код для секса? Ну если так, я согласен.

К счастью для него, он никогда не узнает, что я имела в виду.

– Я хочу кое-что тебе сказать, – сообщает Фредди. – Обещай, что не разозлишься.

– Не могу обещать, пока не узнаю, что это такое.

Он намазывает маслом тост, покачивая головой:

– Э-э... сначала обещай.

В этом весь Фредди.

– Ладно, – сдаюсь я. – Обещаю не злиться.

Он тут же расплывается в улыбке:

– Я сделал заказ на наш медовый месяц.

Сердце подпрыгивает от радости и тут же падает: все это не продлится до следующего года. Эта реальность может исчезнуть прямо завтра... Сердце, медленно кувыркаясь, летит куда-то вниз...

– Сделал заказ?..

Фредди выглядит ужасно довольным собой, прямо из себя выскакивает.

– Хочешь, чтобы это осталось сюрпризом?

Я качаю головой, не доверяя собственному голосу. Надеюсь, Фредди примет выступившие на моих глазах слезы за слезы радости.

– И куда мы поедем?

Он делает паузу, словно всерьез сомневается, стоит ли мне говорить, но не может сдержаться.

– В Нью-Йорк!

Ох, ну конечно же! Всегда хотела увидеть Нью-Йорк. Я специально посмотрела несколько эпизодов «Друзей», а еще мечтала побывать там, где ходила Кэрри Бредшоу, мне ужасно хотелось пройтись босиком в Центральном парке. Даже не браню Фредди из-за стоимости такой поездки, потому что мысленно уже вижу нас на пароме, идущем к Стейтен-Айленду. Это глупо, безусловно глупо!

– Ты не мог придумать ничего лучше! – Я протягиваю руку через стол, чтобы коснуться его руки. – И больше ничего не говори. Дай мне дофантазировать остальное.

Он поглаживает мою ладонь большим пальцем:

– Лидс, тебе понравится.

Я бы и сама в этом не усомнилась. Чувствую, что готова заплакать, и потому меняю тему:

– Так чем займемся сегодня?

– Ты хочешь сказать, это не был шифр для секса? – Фредди смущается, а потом смеется. – Мы же собирались в кино, помнишь? – Он напоминает мне о плане, о котором я не имею представления. – Я намерен потискаться с тобой в

заднем ряду.

– Потискаться? – смеюсь я. – Так давно уже никто не говорит!

Он тянется через стол, чтобы наколоть на вилку яичный желток на моей тарелке.

– А я говорю. Поспешим, фильм начинается в половине первого.

– Значит, кино.

Я подталкиваю к нему ключи, злясь на себя за то, что позволяю случившемуся в другом моем мире портить удовольствие здесь. Встряхиваюсь, нажимаю мысленную кнопку перезагрузки. Сейчас понедельник, Банковские каникулы, я с Фредди, и все прекрасно. Лучше чем прекрасно; мы вместе, как обычно, он и я против всего мира. Я даже не сержусь на него за желток, хотя он всегда делает это нарочно, чтобы меня позлить. Мы собираемся в кино и будем там обниматься, как школьники, в заднем ряду.

Наяву

Воскресенье, 27 мая

Я сижу на полу в кухне, прижавшись вспотевшей спиной к буфету. В трясущейся руке зажат пузырек с пилюлями. Я случайно рассыпала их по кухонной стойке несколько минут назад, а потом ползала по полу, как наркоманка, стараясь подобрать, пока они не закатились в щели. Даже загнала занозу в указательный палец, но не обратила внимания на боль. Значение в те ужасающие секунды имело лишь одно: я должна убедиться, что все до единой пилюли на месте.

Я встречалась с Фредди последние шесть дней и была так измотана, как будто во сне бежала марафон. Держа маленький пузырек в дрожащей руке, я тупо осознаю, что так не может продолжаться. Это не просто физическая усталость; я была истощена душевно и эмоционально. Часы бодрствования превратились в периоды ожидания, полные нетерпения и предвкушения, приправленные болезненным страхом, что в следующий раз этого может не случиться и я никогда больше не окажусь в другом мире... Невозможно объяснить, какково это: быть там. В Национальной галерее, где мы с Элли побывали пару лет назад, есть австралийский пейзаж, написанный художником, чьего имени я не могу припомнить. Это не слишком известная картина, но что-то было особенное в чистоте красок и необычайно ярком свете, что привлекло

мое внимание. И мой мир во сне находился именно там, в красках того холста; он был живым, и дерзким, и чарующим. И привязывал к себе.

Обхватываю голову руками. Я раздавлена – инцидент с пилюлями заставил осознать правду, пытавшуюся пробиться в сознание последние пару дней: надо мной нависла нешуточная опасность.

Каждый день после смерти Фредди становился новой вершиной, на которую нужно взобраться. Я никогда не была спортивной девушкой, но каким-то чудом по утрам находила в себе силы надеть воображаемые походные ботинки и снова начать это одинокое восхождение. Однако в последние дни я перестала их зашнуровывать – все казалось не имеющим значения. Я не смотрела под ноги, не думала о следующем повороте тропы, потому что все дороги вели меня к убежищу на вершине, где дожидался Фредди.

Но, как и все на свете, сделка требовала неизбежной платы. Осознание того, что ценой может оказаться мое психическое здоровье, просочилось в меня, как ледяная вода.

Я ведь уже почти отказалась от бодрствования и отгородилась от всех в своей обычной жизни. Вчера по телефону огрызнулась на маму, да и Элли обвинила меня в дерьмовом поведении, когда заглянула ко мне, чтобы рассказать о новой работе. Я с трудом удерживалась от откровенного хамства, и все потому, что могла думать лишь о розовой пилюле, ожидающей на кухонной стойке. Сестра ушла через несколько

неловких минут, ссутулив плечи и упав духом, а я лишь проводила ее взглядом, слегка испуганная, но не желающая при этом окликнуть ее — зов розовой сирены оказался слишком громким, слишком настойчивым, чтобы игнорировать его. И это была настоящая проблема: я видела путь впереди и он был усыпан раздавленными чувствами родных. Отчуждение и опустошение росли по мере того, как я уходила все дальше и дальше от близких ради другого места, другого мира, ради Фредди.

Я поставила пузырек с пилюлями на пол рядом с собой. После нескольких мучительных, полных сомнения секунд отодвинула его подальше.

Может, принимать их по одной через день? Или раз в три дня? Раз в неделю? Я нахмурилась, припомнив, что в субботу проглотила сразу две, желая встречи с Фредди, как нетерпеливое дитя. И это встревожило сильнее. Мне перестало хватать дозы, чтобы уйти глубоко в мою вторую жизнь, пусть я пребывала скорее там, чем здесь, и одновременно становилось труднее найти обратную дорогу домой.

Наяву

Вторник, 29 мая

– Я подумываю о том, чтобы вскоре вернуться на работу.

Мама тщетно пытается скрыть удивление. Мы в ее маленькой, безупречно чистой гостиной, как обычно без тапочек, из уважения к кремовому ковру. Он ведь лежит не только в прихожей: мама обожает удачные покупки, так что ковра хватило на весь первый этаж. Для гостиной, а мы именно в ней, у мамы существуют строгие правила насчет того, что здесь допустимо. Никаких красных вин, нет-нет, и никакой цветной или темной пищи. Разрешаются белое вино и рисовая каша или пудинг. Я вовсе не шучу. Мы с Элли еще в школьном возрасте привыкли оставлять все «неправильное» в кухне. И несмотря на то что ковру добрых пятнадцать лет, он выглядит почти как новый. Диван прикрывает единственное пятно, которое невозможно вывести: будучи подростком, сестра как-то приползла домой на четвереньках, наглотавшись джина и черносмородиновой наливки. Было Рождество, и она утром сходила в гости к своему приятелю менее чем на час! Это произвело впечатление. Вот только потом ее вырвало на мамин ковер, и она чувствовала себя больной на рождественском ужине.

– В самом деле? – спрашивает мама.

Я вижу, она пытается сообразить, что тут можно сказать.

Я представляю, как мама выбирает между «давно пора, черт побери!» и «слава богу, наконец-то!». В итоге произносит то, что само собой срывается с языка:

– Милая, ты уверена, что готова?

Я пожимаю плечами и почти отрицательно качаю головой, хотя намеревалась утвердительно кивнуть.

– Просто уже не могу сидеть дома в одиночестве. И сплю я теперь лучше с теми пилюлями.

Чего я не говорю, так это того, что мне просто необходимо чем-то заняться. Чем-то осязаемым, чтобы сосредоточиться на реальном мире. Работа менеджера по проведению мероприятий в городском общественном центре, конечно, не настолько важна, как ракетостроение, но жалованье у меня приличное. В основном я сижу за столом и общаюсь со множеством людей. Руководители были добры ко мне и дали возможность прийти в себя, погоревать сколько захочется, но это ведь не может продолжаться вечно.

Мама подходит и присаживается рядом на диван, кладет руку мне на колено:

– Ты всегда можешь прийти сюда и пожить здесь какое-то время. Если так будет легче...

Чувствую, как начинает дрожать нижняя губа, потому что мы обе знаем, что мама терпеть не может жить с кем-то и все же любит меня настолько, что все равно предлагает подобное. И это уже не в первый раз. Она повторяет приглашение по меньшей мере раз в неделю с тех пор, как умер Фредди.

Но я тоже терпеть не могу коллективизм. Мне нравится есть в гостиной карри с тарелки, стоящей у меня на коленях, и не обращать внимания на ужасные пятна и летящие на пол крошки.

– Спасибо. – Я накрываю ладонью ее руку и слегка сжимаю. – Но это неправильно, ты сама знаешь. Я должна почувствовать свое горе и не думаю, что это означает возвращение к матери.

Она легонько фыркает. В нашей семье это уже становится заменой слова «прекрати».

– Ладно, я тогда упакую для тебя ланч. На первые день-два.

Я подозреваю, что у нее до сих пор живы чистенькие розовые коробки для ланча, которые она давала нам с собой в школу.

– Хорошо, – киваю я. – Это поможет.

А про себя думаю, что это скорее поможет ей, чем мне.

– Куплю тебе мятные бисквиты в блестящей зеленой упаковке, которые ты так любишь, – быстро произносит мама.

Я проглатываю в горле ком, чувствуя себя снова пятнадцатилетней. Будто возвращаюсь в те дни, когда спала наверху, на узкой кровати, в комнате, которую мы делили с Элли.

– Значит, первый понедельник июня? – предполагает мама.

И я задумываюсь об этом, гадая, смогу ли... Сейчас последняя неделя мая. Мама дает мне всего несколько дней,

чтобы бороться с силами. Наверное, она спешит поймать волну на случай, если следующая снова утащит меня на глубину и я передумаю. Поскольку не могу обещать, что такого не произойдет, медленно киваю:

– Да, первый понедельник июня.

– Вот и умница. – Она похлопывает меня по колену и встает. – Загляну на кухню и добавлю эти бисквиты к моему списку покупок.

Я провожаю ее взглядом, пытаюсь понять, знает ли мама, что она – один из стражей моего здравомыслия? Ее списки покупок ужасно смешили Фредди, и он частенько добавлял в них случайные вещи, когда она не видела, вроде поливного шланга, или кукольного домика, или машинки для стрижки волос в носу. Это воспоминание вызывает у меня улыбку, а потом боль, поскольку я уже решила сократить мои визиты к нему до одного в неделю. Перебор хорошего, все равно что есть сахар столовыми ложками, это неприемлемо. Проблема зависимости в том, что в какой-то момент вам приходится отступать от того, что вами завладело, или полностью ему отдаваться. Я не готова ни к тому ни к другому. Зато очень хочу сохранить обе мои жизни, а для этого необходимо наладить существование в реальном мире. Пора зашнуровать мои горные ботинки.

Наяву

Суббота, 2 июня

Наверное, ничего удивительного нет в том, что я нахожу кладбище самым мирным местом. Почти слышу ужасно неудачные шутки Фредди насчет его обитателей, чересчур уж необщительных. Я сижу здесь достаточно долго, чтобы, поделившись новостями и поплакав, успокоиться и, разглядывая надгробный камень Фредди, заметить белое пятно на сером граните. Голуби явно не имеют уважения к умершим. Порывшись в сумке в поисках тряпок и обнаружив, что их там нет, я раздраженно вздыхаю. Не могу же я оставить все как есть.

– Скоро вернусь, тряпка должна быть в багажнике, – сообщаю я Фредди.

Поднимаю увядшие цветы, которые убрала с могилы, и пакет для мусора, чтобы бросить все это в урну на автомобильной парковке.

Через пару минут, подойдя к машине, я убеждаюсь, что была права. Закрыв багажник, медленно плетусь обратно, обходным путем, – на кладбище все цветет, и я использую несколько минут, чтобы перевести дыхание. Это единственное место, где я могу чувствовать себя по-настоящему спокойно. Я высоко ценю шанс выйти из моего туманного и зеркального двойного существования.

Возвращаясь к могиле Фредди и вижу, что кто-то сидит на корточках перед памятником. Джона Джонс. Он что-то говорит, прижав колени к груди. Пытаюсь сообразить, что бы ему сказать, и слышу, как он откашливается, словно намереваясь произнести речь на уроке. Джона преподает английский язык в местной средней школе.

– Постараюсь, но не обещаю, – тихо говорит он.

Я останавливаюсь, не зная, следует ли мне его прерывать, потому что глаза Джоны закрыты. Может, он поступает так же, как я: воображает, что они с Фредди сейчас где-то в другом месте... Может, в пабе или собираются смотреть футбол, забросив ноги на кофейный столик в нашей гостиной...

– Уже снова суббота, – бормочет Джона. – Тяжелая неделя на работе. Инспектор явился, учителей не хватает, обычная ерунда. Мне на прошлой неделе пришлось вести урок физкультуры, а мы ведь прекрасно знаем, какой я паршивый спортсмен. Ты бы там лопнул от смеха.

Фредди и Джона по части спорта всегда были полными противоположностями: если был шанс выиграть хоть что-то, Фредди тут же бросался в бой, протягивая руки к трофею. А Джона, наоборот, спокойно отходил в сторону, в нем не горит огонь. Ему вполне достаточно болеть за своих, попивая пиво, вместо того чтобы потеть самому. Они вообще во многих отношениях разные. Фредди – человек действия, а Джона скорее мечтатель, звездочет. На его пятнадцатилетие мы всей компанией разбили лагерь в саду за домом Фред-

ди, надеясь увидеть не то пролетающую комету, не то дождь астероидов... В любом случае Фредди проспал все это время, а мы с Джоной сидели, закутавшись в одеяла, и не сводили глаз с неба в надежде на звездный спектакль.

— Я вчера вечером зашел выпить пива, как обычно, — между тем продолжает Джона. — Дети меня изматывают, и вся эта школьная политика. Да еще и Гарольд выругал меня за то, что я пришел на собрание без галстука. — Джона смеется, не открывая глаз. — Можешь в такое поверить? Двадцать лет прошло с тех пор, как мы окончили школу, а старина Гарольд по-прежнему постоянно меня ругает. — Джона замолкает, словно ожидая от Фредди ответа. — Ох, но я выиграл в дартс. Даффи просто взбесился. Он проиграл пари. Пришлось ему покупать всем выпивку, а ты же знаешь, какой он жадный. И все заказали виски, только чтобы позлить его сильнее.

Я невольно улыбаюсь. Слушать о проделках в «Принце» немножко странно, но согревает. Если бы Фредди был здесь, он бы сам мне обо всем рассказывал.

Джона молчит, рассеянно поглаживая свои вылинявшие серые джинсы, хмурясь и, видимо, подбирая слова. Потом открывает глаза и вздыхает, наклоняется вперед, чтобы на несколько секунд прижать ладонь к имени Фредди на холодном граните.

— До следующей недели, приятель.

Это похоже на то, как если бы он положил руку на плечо

Фредди. Я его понимаю, потому что иногда сама обнимала этот чертов камень и прижималась щекой к золоченым словам, вырезанным на нем. Не слишком часто, впрочем. Мы же, в конце концов, британцы, у нас существует некий кладбищенский этикет, который следует соблюдать, а он не понимает рыданий каждый раз, когда мы в отчаянии.

Точно так же, как недавно Джона, я откашливаюсь. Он смотрит на меня и пару раз удивленно моргает.

– Лидия... – произносит он, потом хмурится. – Ты давно здесь?

Неудобно признаваться в том, что я подслушала его разговор с Фредди, поэтому я вру:

– Секунду-другую. – На миг замолкаю. – Могу вернуться позже, если тебе нужно еще время.

Он поднимается на ноги, отряхивает с джинсов травинки.

– Нет, все в порядке. Пойду.

Я не видела Джону и не разговаривала с ним после того дня в пабе, пару недель назад, и знаю, что должна исправить ситуацию. Джона был не только самым близким другом Фредди. Честно говоря, он был моим другом еще до того, как мы с Фредди стали встречаться. Мягкий сарказм Джоны мне всегда нравился. Когда нам было по двенадцать лет, мы вместе выполняли задание по химии: думаю, учитель питал тщетную надежду, что логика Джоны каким-то образом воздействует на меня. Ничего не вышло. Мы быстро оставили любые мечты о том, что я выучу хотя бы периодическую таб-

лицу, зато стали вместе проводить обеденный перерыв: сидели у старого дуба и наблюдали за школьным двором, за тем, как завязываются краткие романы, за случайными подростковыми взрывами и стычками между старшими школьниками. Наша дружба началась тогда, когда я особенно в этом нуждалась: в тот год большинство девочек в классе решили, что я недостаточно крута, чтобы тусоваться с ними. И, к счастью, мама иногда укладывала в коробку лишний бисквит для Джоны. Он всегда пытался из вежливости отказаться, но я знала, как он любит эти бисквиты и что это приятное дополнение к сэндвичам с сыром, которые ему каждый день давала его мать. Это не история романтических отношений, нет. Мы стали настоящими друзьями, типа «Ой, мы с тобой так похожи», а не «При виде тебя у меня внутри все переворачивается». А потом в нашу школу пришел Фредди и стал новым соседом Джоны по парте, поскольку их имена стояли рядом в классном журнале⁵. Уже через неделю-другую пара превратилась в тройку, обедающую под дубом. Фредди Хантер ворвался в мою жизнь и увлек в карнавал красок, смеха и шума. И с ним повысилась моя самооценка, мне уже не была так необходима наша с Джоной болтовня во время обеда. И это на самом деле хорошо, потому что тройка – всегда смешное число, и становится еще смешнее, когда двое завязывают роман. Наверное, Фредди порой чувствовал, что врезался

⁵ Речь идет об английском алфавите, где буквы «Н» (Hunter Freddie) и «J» (Jones Jonah) стоят рядом.

между нами. Мы с Джоной оба искали его внимания и сердились друг на друга, не получая его. Теперь нас снова двое, и я не знаю, что делать. Я всегда буду беспокоиться о Джоне, он ведь так много лет был частью моей жизни, но между нами глухой стеной встала катастрофа.

– Ладно, не буду тебе мешать. – Он достает из кармана джинсов ключи от машины. – Увидимся.

Он молча кивает надгробному камню Фредди, а потом быстро исчезает между могилами. Но только я собираюсь сесть, как Джона возвращается:

– Завтра в школе будет, ну, это... Ты могла бы, ну, понимаешь, прийти, если хочешь.

Я озадаченно смотрю на него:

– Что – это?

Он пожимает плечами:

– Ну, знаешь, вроде секции йоги.

– Не слишком заманчиво ты объясняешь. – Я почти улыбаюсь, потому как не знаю, что еще сказать.

– Это занятия для горюющих, понимаешь? – Он выпаливает это быстро, словно слова обжигают ему рот. – Работа с воспоминаниями, ну, всякое такое.

– Занятия для горюющих?!

Я говорю это таким же тоном, каким могла бы ответить, если бы он позвал меня прыгнуть с тарзанкой или с парашютом. Джона, вообще-то, не из тех, кто сосредоточивается на своих внутренних чакрах, или что там еще делают на таких

занятиях. Я бы скорее ждала такого предложения от Элли. Неожиданно.

– Все соберутся в школе. – Джона не мог бы выглядеть более смущенным, даже если бы постарался. – Ди, наша новенькая, имеет опыт в йоге и очень внимательный учитель. Она предложила провести несколько занятий, если кому-то будет интересно.

Я тут же вспоминаю светловолосую и гибкую Ди. У нее всегда наготове улыбка, что слегка неестественно. Думаю, я несправедлива к ней без причин, и гадаю, почему стала такой – горькой, как слишком крепкий кофе.

– Не уверена, что такие вещи для меня. – Я смягчаю отказ виноватой улыбкой.

– Я тоже не уверен, что это для меня. – Джона надевает солнцезащитные очки. – Просто идея...

Я киваю, и он кивает, и после непродолжительного неловкого молчания Джона снова поворачивается, чтобы уйти, но сразу останавливается:

– Я думаю, это может помочь.

– Помочь в чем? – медленно спрашиваю я, хотя и догадываюсь, что он подразумевает.

Лучше бы он ушел, поскольку разговор заводит нас на опасную почву.

Джона смотрит в небо, размышляет, прежде чем ответить.

– Вот в этом, – наконец говорит он, кивая в сторону могилы Фредди. – Поможет справиться со всем этим.

– Я сама справляюсь, по-своему, спасибо.

Последнее, чего мне хочется, так это оказаться в комнате, набитой незнакомыми людьми, и говорить о Фредди, в особенности если учесть, что и Джонс тоже там будет.

Джона кивает, нервно сглатывает.

– Я же предупреждал, – бормочет он, глядя на надгробный камень Фредди, а не на меня. – Я же тебе говорил, что она откажется.

Ох, погоди-ка минутку...

– Ты говорил Фредди, что я откажусь?

На щеках Джоны выступают розовые пятна.

– Я был не прав?

Он не из тех, кто часто повышает тон; наш друг – прирожденный миротворец в любом споре.

– Я сообщил ему, что собираюсь туда, потому что считаю, что это может пойти на пользу, и предложу тебе присоединиться. Но предупредил, что ты откажешься.

– Отлично! Теперь ты можешь идти. Ты исполнил свой долг, и нет причин чувствовать себя виноватым.

Я тут же сожалею о сказанных словах.

– «Нет причин чувствовать себя виноватым», – повторяет он. – Спасибо, Лидия. Чертовски тебе благодарен!

– А чего ты ждал, плетя заговор против меня с моим умершим женихом?

– Я не плел заговор против тебя, – возражает Джона весьма сдержанно. – Просто думал, это может помочь. Но я те-

бя понял. Ты занята, или тебе неинтересно, или ты боишься, или еще что-то.

Я фыркаю и трясую головой, глядя вдоль ряда серых могильных камней.

– Боюсь? – бормочу я, а он смотрит на меня и пожимает плечами:

– Не так?

Я снова фыркаю и шумно выдыхаю. Понимаю, куда он меня заманивает, но не могу удержаться и несусь напрямик в ловушку.

– Боюсь?! Ты думаешь, я боюсь какой-то нелепой встречи в школе? Джона Джонс, я тебе скажу, как выглядит страх. Он выглядит как синяя вспышка за окном твоей гостиной, он выглядит так, словно ты хоронишь любимого человека, вместо того чтобы выйти за него замуж. Страх вот на что похож: ты стоишь в аптеке самообслуживания и думаешь о том, чтобы проглотить все эти чертовы таблетки на полках, потому что ты минуту назад вспомнила тот глупый спор насчет бисквитов и прочего! Бисквитов! И это убивает тебя. Физически убивает, прямо вот тут! – Я стучу себя по груди с такой силой, что вполне может остаться синяк. – Страх выглядит как знание того, какой бесконечно долгой кажется жизнь без человека, с которым ты собиралась ее провести, и еще понимание того, какой эта жизнь может оказаться короткой, потрясающе, неожиданно короткой! Это вроде фокуса со скатертью и чайными чашками, только разбивается

чертова человеческая жизнь, а не чашки, и... – Я замолкаю и глотаю воздух, потому что потеряла нить и просто рыдаю от бешенства.

Джона побледнел и выглядит испуганным.

– Лидс... – бормочет он, протягивая руку, чтобы коснуться моего плеча.

Я отталкиваю его:

– Не надо!

– Прости, ты в порядке?

– Нет! Не в порядке! Ничего здесь... – Я резко показываю на могилу. – Ничего уже не будет в порядке!

– Знаю. Я не хотел тебя расстраивать.

Не понимаю, откуда сорвалась эта лавина гнева. Будто Джона сдвинул какой-то камень и вызвал ее, теперь она выплескивается из меня, неуправляемая, как вулканическая лава.

– Ох, ну конечно же, ты не хотел меня расстраивать! – выплевываю я, и даже в собственных ушах это звучит отвратительно. – Джона, в чем дело? Или тебе необходима дуэнья, чтобы сопровождать тебя и сообщить временной учительнице, что она тебе нравится? Моему другу нравится ваша подруга! – (Джона выглядел откровенно смущенным.) – Да ты просто напиши это на вашей гребаной классной доске! Или спроси у нее напрямую! То или другое сработает, но я не собираюсь вести тебя за ручку к этой йогине! Я тебе не второй пилот! Я не Фредди!

Какое-то мгновение мы таращимся друг на друга, а потом я разворачиваюсь и уношусь, разъяренная до предела.

Не могу сказать Джоне, что происходит на самом деле. Не могу вывалить ему, что мое тело разваливается, а голова гудит, затягивая меня в двойную жизнь, с Фредди и без Фредди. Всю прошлую ночь я пролежала без сна, пытаюсь размышлять, придумать рациональный способ объяснить кому-нибудь, что происходит, но это невозможно... Разве кто-то поймет, как время от времени я, засыпая, оказываюсь в мире живого Фредди? Я не страдаю галлюцинациями и не притворяюсь в обычной жизни, что Фредди жив. Но есть и... есть некое другое место, где мы с ним по-прежнему вместе, и меня преследует ощущение, будто я вынуждена непрерывно бороться, сопротивляясь зову сирены. А что произойдет, когда закончатся выписанные таблетки? Я отгоняю эту мысль. Она невыносима.

Наяву

Воскресенье, 3 июня

Не знаю, что я здесь делаю. Я не слишком любила школу и впервые подхожу к ней с тех пор, как закончился выпускной. А может, все же знаю, что здесь делаю? Я пришла, поскольку почувствовала себя дрянью, налетев вчера на Джону. А потом послала ему дурацкое сообщение с извинениями. Наверное, мне следовало лучше себя контролировать... Он ответил, что это так, или я могу превратиться в Халка. Я написала, что попытаюсь лучше справляться с гневом и избежать такой перспективы.

И вот я здесь, волочу ноги по бетонной дорожке, как будто мне снова четырнадцать и я не сделала домашнее задание. Я опоздала, определенно опоздала. Джона говорил, занятия с десяти до двенадцати, а уже почти одиннадцать. Намереваюсь проскользнуть внутрь и спрятаться где-нибудь позади всех, а потом придумать безобидную ложь для Джоны. Скажу, что была там почти все время, он меня просто не заметил и можно забыть вчерашний разговор. В любом случае мы ведь не намерены встречаться каждый день, просто я не хочу чувствовать, что мы разошлись плохо. Думаю, это своего рода предательство по отношению к Фредди – враждовать с его лучшим другом.

Когда открываю дверь в зал, ностальгические запахи на-

тертых полов, меловой пыли и застоявшегося воздуха переносят меня прямиком к утреннему собранию. Я почти ощущаю, как болят коленки оттого, что сижу на полу, скрестив ноги, пока директриса читает нам лекцию о достойном поведении. С одной стороны от меня Фредди ослабляет свой галстук, а с другой Джона крутит колесико своих часов.

Этим утром в зале недостаточно много людей, чтобы скрыть мое появление; человек двадцать или около того сидят за столиками, за чаем с печеньем. Большинство из них смотрят на меня, когда я вхожу, и я замираю в растерянности, но тут встает Джона и направляется между столиками ко мне.

– Я решил, ты передумала, – шепчет он. – Все в порядке, если не хочешь оставаться, не надо, мне вчера не следовало на тебя давить.

– Нормально...

Я с опаской оглядываю собравшихся. Здесь больше женщин, чем мужчин, и на первый взгляд есть люди моего возраста, но в основном постарше. Внезапно поражает ужасная мысль: что, если здесь тетя Джун и дядя Боб? Они обожают разные семинары... Я ищу их взглядом и испускаю вздох облегчения, когда не нахожу.

– И как тут?

– Ну, все хорошо. Милые люди. Лидс, честно, ты не обязана оставаться, может, это вовсе и не твое.

Он вытягивает шею – я уже много лет не замечала за ним

этого. Джона явно обеспокоен: он так делал перед экзаменами в этом самом зале.

– Могу забрать телефон и уйти с тобой.

Я растерянно смотрю на него:

– Ты же сам просил меня прийти.

Джона открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут к нам подходит какая-то женщина и протягивает руку:

– Привет! Я Ди. А ты, должно быть, Лидия.

Ох... Значит, я принципиально неверно представляла Ди. Брюнетка, немного ниже меня ростом, связанные в хвостик волосы качаются, когда она пожимает мне руку. Ди вовсе не отличается особой стройностью или изгибами тела, но я сразу понимаю, почему она могла понравиться Джоне. Сочувственный взгляд ее карих глаз не отрывается от меня. Похоже, ей уже известна моя печальная история. Она сжимает мою ладонь обеими руками. Как по мне, так уж слишком тепло.

– Добро пожаловать.

– Привет, – отвечаю я, наверное, холодно и напряженно, высвобождая руку.

Понятия не имею, что на меня нашло. Просто мне неприятна мысль о том, что абсолютно чужой человек полагает, будто знает обо мне все.

– Боюсь, ты пропустила занятие по концентрации, – сообщает она. – Но успела к главному, на мой взгляд, – к пирогу.

Я подавляю грубые мысли насчет возможностей пирога

вернуть меня к самой себе.

– Может быть, Джона сумеет повторить для меня урок концентрации, – говорю я вместо того.

– Или я могу позаниматься с тобой лично, если ты сочтешь это полезным, – предлагает Ди.

И хотя я вижу, что она просто добрый человек, все равно снова злюсь. Неужели от меня исходит молчаливый сигнал SOS?

Кажется, я заставляю сплотиться людей в этом зале, будто все до единого готовы наброситься на меня со своей помощью, раздавить ею... Осознаю, что я довольно замкнутая личность; предпочитаю спрятаться за потрепанной перегородкой и уж там предаваться отчаянию, пока никто меня не видит.

– Буду иметь в виду, – уклончиво отвечаю я. – Спасибо.

На несколько секунд Ди встречается взглядом с Джоной, достаточно для того, чтобы мысленно сказать: «С твоей подругой нелегко поладить, да?»

А может, я ошибаюсь, она куда более современна и склонна к философии типа: «Твоя подруга определенно способна пойти по пути исцеления».

Или это просто откровенный намек: «Выпьем потом?» А я им мешаю. Я уже сожалею, что пришла, но теперь слишком поздно – рука Ди подхватывает меня под локоть и ведет к той группе, с которой сидел до этого момента Джона.

Все подвигаются немного, освобождая мне место рядом

с Джоной, стараются не таращиться на меня и изо всех сил изображают приветливость. Женщина напротив наливает мне чай.

– Камилла, – представляется она и ставит передо мной чашку.

К счастью, Камилла несуетлива, просто сдержанно улыбается и дружески кивает.

– А это Лидия, – сообщает Джона с мрачным видом.

Все кивают.

– Я Мод, – представляется немолодая женщина с другой стороны от Джоны. Она наклоняется и почти кричит, поправляя слуховой аппарат. Если бы меня спросили о ее возрасте, я бы решила: не меньше девяноста. – Мой муж Питер упал с крыши, пытаясь установить спутниковую антенну, уже двадцать два года назад.

– Ох! – Я ошеломлена. – Мне очень жаль...

Судя по лицам остальных за столом, я могу понять: они уже не в первый раз сегодня слышат о несчастной судьбе Питера.

– Не стоит, я-то не сожалела. Он вел себя как твой отец с той женщиной из мясной лавки.

Вау! Такого я уж никак не ожидала.

– Кусочек пирога?

Я поворачиваюсь к леди по другую сторону от меня, благодарная ей за вмешательство.

– Он с яблоками и финиками. Испекла его сегодня

утром. – Она протягивает мне тарелку. – Я Нелл.

– Спасибо. – Я принимаю угощение.

Не знаю, за что я благодарю ее – за пирог или за то, что она спасла от необходимости подыскивать подходящий ответ. Меня успокаивает ее тихое присутствие. Она немного напоминает мне маму, и возрастом, и сложением, и даже обручальным кольцом – она замужем или была замужем.

– Ты не сердись на Мод, – советует она тихо, кладя на мою тарелку ломтик пирога. – Можешь представить, как она была полезна на занятии по концентрации.

Она ловит мой взгляд, и мне становится легче от ее юмора.

– Тут есть кое-какие книги, – сообщает Камилла; на ее щеках красные пятна, как будто ей стоит немалых усилий разговаривать. – Вот эта мне показалась особенно полезной. – Она касается обложки одной из книг, разбросанных по столу. – Во всяком случае, для тех, кто моложе.

– Мне в последнее время трудно читать, – признаюсь я. – Вообще-то, я всегда любила книги, в основном романы, но сейчас мой ум, похоже, просто не способен удерживать сюжет.

Я совершенно не понимаю, почему вдруг случился этот порыв откровенности, но он случился.

– Это пройдет. Какое-то время я только это и могла читать, но мне становится легче. – Пальцы Камиллы пробегают по нити жемчуга на ее шее. – Да.

Я с благодарностью тянусь к рекомендованной книге.

– Джона, а ты как? – спрашивает Нелл. – Ты читаешь?

– Я же учитель английского, так что это моя вотчина. –

Он нервно сглатывает. – А вот с музыкой проблема.

Для меня это новость. Музыка ведь действительно близка Джоне; он играет, слушает, сочиняет...

– Я не могла смотреть телевизор после смерти Питера, – кричит Мод. – Этот болван сломал антенну!

– Это вполне понятно, – говорит Камилла, глядя на Джону. – Вы, наверное, до сих пор связываете телевизор с несчастным случаем.

Я не понимаю, какая тут связь.

Интересно, сколько все остальные за столом слышали от Джоны о Фредди до того, как я сюда пришла? Молча ем пирог, позволяя разговору течь вокруг меня.

– Ох... – Джона потирает лицо ладонью. – А я не могу больше слушать радио.

– Ничего, дай только время...

Нелл, должно быть, заметила, что у Джоны подрагивают руки, потому что придвигает к нему поближе кусок пирога.

– Но почему ты связываешь музыку с несчастным случаем? – спрашиваю я, глядя на Джону.

– Его друг искал какую-то радиостанцию в машине, – брякает Мод слишком уж громко. – И не смотрел, куда едет.

Вот и еще одна новость. Я пытаюсь найти слова, чтобы спросить Джону, правда ли это.

– Но на следствии...

Внезапно я умолкаю, потому что до меня доходит: здесь происходит нечто большее, чем я осознаю.

За столом повисает неловкое молчание, Джона поднимает голову и изучает облупившуюся краску на потолке.

– Я ведь не думал, что ты придешь, – наконец говорит он. – Ты опоздала, и я решил, что идея тебе не понравилась. – А потом он поворачивается, заглядывает мне в глаза и произносит тихо, только для меня: – Он искал что-нибудь такое, чему можно было бы подпевать. Ты ведь знаешь, каким он был. Этаким пятничный гуляка...

Я хмурюсь, услышав это выражение, хотя и понимаю, что оно значит. Пятничный гуляка... Думаю, Фредди мог и сам его придумать; он определенно жил в таком стиле. Вечер пятницы означал, что пиво льется рекой, а музыка оглушает. И несчастный случай произошел именно вечером в пятницу.

– Но на следствии ты сказал, что он ничего такого не делал. Я же там сидела и слышала, как ты говорил, что он ничего такого не делал...

Слышу, как мой голос от хрипа переходит к визгу.

– Я не хотел... – произносит Джона так тихо, что я напрягаюсь, прислушиваясь. – Не хотел, чтобы люди потом говорили, что он погиб из-за собственной беспечности.

– Это не более беспечно, чем падение с крыши, – фыркает Мод, протягивая руку к чаю.

Я бросаю на нее взгляд, готовая огрызнуться, но сдержи-

ваюсь. Не она виновата в том, что мое сердце бешено колотится. Мы с Джоной смотрим друг на друга. И я гадаю, чего еще он мне не сказал.

– Ты просил меня прийти сюда сегодня, – бормочу я, потирая лоб. – Ты заставил прийти, а теперь швыряешь это... эту бомбу, прекрасно зная, что она сделает со мной.

Джона начинает качать головой, пока я еще говорю.

– Лидия, я ждал, но ты все не шла, а все вокруг говорили о людях, которых потеряли, и я, сам не понимаю почему, тоже рассказал. Наверное, я здесь чувствовал себя в безопасности.

Я пристально смотрю на него, пока он произносит эти слова.

– Ты не упомянул о радио на следствии...

Резко встряхиваю головой, потому что с самого дня трагедии я думала о кратких показаниях Джоны и пыталась представить последние моменты Фредди. Официально установили, что это смерть от несчастного случая, просто одно из тех происшествий, предусмотреть которые невозможно. Упоминали о плохой погоде, о скользкой дороге, обледенении... Я слушала, и в моем уме складывалось представление о некоем безликом вселенском произволе вроде погоды. Теперь же эта картина разлеталась вдребезги.

– Ты солгал! – обвиняю я. – Ты солгал перед толпой. – Я смотрю на Нелл. – Он не сказал им о радио. Не сказал.

– Люди иногда совершают странные поступки из благих

намерений, — отвечает она. — Может быть, если бы Джона смог рассказать тебе немножко больше...

Нелл виновато смотрит на Джону, и тот судорожно сглатывает.

— Я не лгал. Нет. На дороге вполне мог оказаться лед, а дождь уж точно шел. — Он смотрит на меня. — Ты знаешь, что это правда!

— Но ты не упомянул о радио...

Все за нашим столом затихли, даже Мод. Нелл рядом со мной вздыхает, на секунду накрывает ладонью мою руку и легонько сжимает мои пальцы. Я не уверена, выражает ли она сочувствие или пытается успокоить.

Джона как-то глухо, разочарованно стонет, его рука на столе стискивается в кулак.

— Зачем мне это было говорить? Что от этого изменилось бы? Мы с Фредди были тем вечером одни, никто больше не пострадал. И какого черта мне давать повод всем потом говорить, что он сам виноват, проявив подобную беспечность... — Джона окидывает взглядом всех сидящих за столом и качает головой. — Извините, — выдыхает он, — за то, что выругался. — Его глаза блестят слишком ярко, когда он опять смотрит на меня. Я вижу, что его нервы натянуты до предела. — Я не хотел, чтобы в газетах печатали, будто его смерть была бессмысленной и глупой и может послужить нападением всем остальным.

Что-то происходит внутри меня. Как будто кровь закипа-

ет.

– Но ты мог рассказать мне, – медленно произношу я. – Ты *должен был* рассказать мне!

– Должен ли? – Джона чуть повышает голос, и Камилла вздрагивает, видя его боль. – Зачем? Чтобы ты страдала еще сильнее, чем сейчас? Чтобы ты проклинала его за глупость и постоянно представляла, как он несется с бешеной скоростью, на пару миль больше дозволенного, и при этом вертит ручку приемника в поисках веселого саундтрека?

И тут я отчетливо вижу все это. Нога Фредди на акселераторе, взгляд устремлен к приемнику.

– Хочешь сказать, он слишком уж торопился на мой день рождения? Ты и о превышении скорости не упоминал, кстати.

Джона смотрит в окно, в сторону школьных ворот. Так много лет мы втроем выбегали за эти ворота, свободные, уверенные, что жизнь будет длиться вечно. Я почти вижу нас, слышу эхо наших шагов и нашего смеха...

– Все это на самом деле не имеет значения, – бормочет Джона. – Это не изменит того факта, что Фредди больше нет.

– Нет, это имеет значение! – заявляю я в бешенстве от того, что Джона не понимает моих чувств. – Для меня имеет. Ты позволил мне думать, что он погиб из-за погоды, такая тупая обыденная причина придавала всему некий глупый смысл... – Я смотрю вокруг, пытаюсь сама понять и выразить свои чувства в реальном времени. – А теперь ты мне

говоришь, что он и сейчас был бы здесь, если бы был поосторожнее? – Я резко умолкаю от острой тоски, потом собираюсь с силами и продолжаю: – Джона Джонс, не смей мне говорить, что это не имеет значения! Он должен был ехать прямо домой. И ничего бы не случилось, если бы он поехал прямо домой!

– Думаешь, я этого не понимаю? – шепчет он. – Думаешь, не вспоминаю об этом каждый чертов день?!

Мы почти с ненавистью смотрим друг на друга. Джона прикусывает губу, чтобы она не дрожала.

– Я и не хотел, чтобы ты все это узнала, – устало произносит он и потирает лоб, привлекая тем самым мое внимание к шраму. – Но ты опоздала... Я не думал, что ты придешь.

– Лучше бы не приходила! – бросаю я.

– Согласен. – Он крепко сжимает руки.

Сидящие вокруг стола зашевелились. Думаю, мне пора уходить.

– Мой сын умер год назад, – говорит Мод, глядя в потолок. – Тридцать шесть лет со мной не общался. А что тут поделаешь!

Я молчу, но ее слова проникают в мозг. Тридцать шесть лет. Они оба были живы, но позволили какой-то мелочи развести их так далеко друг от друга, что они не разговаривали...

– Мод, это так грустно... – Камилла поглаживает Мод по руке.

Та поджигает губы. Не думаю, что сегодня она пришла сюда для того, чтобы поговорить о своем заблудшем муже, нет. И я не уверена, сообщила ли она о своем сыне, желая помочь мне, но вроде как помогла, потому что я знаю: если встану и уйду сейчас, то не смогу видеть Джону Джонса лет тридцать шесть, а то и вовсе никогда.

Мы сидим рядом – напряженно, молча.

– Нужно было раньше тебе рассказать, – наконец признает Джона, глядя вниз.

– Да, но я понимаю, почему ты этого не сделал.

Встречаю через стол взгляд влажных глаз Камиллы, и она кивает. Это та самая тихая поддержка, которую я одобряю. Мне стоит немалых усилий коснуться руки Джоны, а ему стоит больших усилий не разрыдаться.

– Такой пирог можно делать и со сливочным маслом, – заявляет Мод. – Остался еще кусочек?

Нелл придвигает к ней коробку:

– Возьми.

На мгновение я прижимаю руку к глазам и встаю.

– Мне нужно идти, – говорю я, окидывая всех взглядом. – Рада была познакомиться.

– Увидимся еще? – спрашивает Джона, глядя на меня.

– Да, – киваю я.

Но думаю, что, скорее всего, нет. Желания приходить сюда у меня не было, но все оказалось не зря. Мы пережили нечто вроде катарсиса. Я держусь, пока не добирюсь до сво-

ей машины, а потом падаю на водительское сиденье и роняю голову на руки. Наверное, мне не следует вести машину, но я хочу домой. Хочу побыть с Фредди.

Во сне

Воскресенье, 3 июня

Мы на автомобильной парковке больницы. Фредди несет Элли. Она в одной туфле, а вторая у меня в руках, я бегу рядом с ними.

– Думаю, перелом, – бормочет Элли.

Ее лицо кривится от боли, когда она пытается пошевелить ступней. Она упала с нашей лестницы полчаса назад, до смерти напугав меня и Фредди. Странно видеть и ее тоже в этой «иной» реальности. Я уже привыкла считать, что этот мир предназначен только для меня и Фредди, но, похоже, время от времени в нем отмечаются и другие жизни. И сегодня в этой реальности Фредди именно таков, каким я хочу его помнить. Он владеет ситуацией и более чем жив.

– Возможно, – соглашается он. – Ты здорово постаралась, чтобы заставить меня носить тебя на руках.

– Это немножко походит на ту сцену из «Офицера и джентльмена», – пытаюсь пошутить я.

Фредди вроде бы нравится эта мысль.

– Вот только я куда симпатичнее Ричарда Гира.

– Ты определенно выглядел бы прекрасно в форме, – говорю я.

– Такие продаются в том секс-магазинчике в городе, – откликается Фредди. – Могу купить, если хочешь.

– Эй, ребята! – вмешивается Элли. – Здесь женщина со сломанной ногой. Давайте отложим эту милую беседу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.